
Алекс Скай
ЛЕКАРНЯ
Развод
с альфой
Лекарня для его
проклятых волчат

Алекс Скай

Развод с альфой. Лекарня для его проклятых волчат

https://litres.ru/74745877
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня развели при полной луне.

Муж-альфа спокойно сказал: «Подтверждаю», его новая избранница улыбнулась, а вся стая смотрела, как меня лишают имени, дома и места рядом с ним.

Они думали, что сломали меня.

Но вместо позора я получила северное крыло — старую Лекарню Луны, место, которого боятся даже старейшины. Все уверяли, что дом пуст. Мёртв. Забыт.

Только за его стенами я нашла троих детей.

Проклятых волчат с серебряными метками. Наследников, которых не должно было существовать. Тайну, ради которой Совет готов лгать, Велена — убивать память, а мой бывший муж — впервые усомниться в тех, кому верил годами.

Теперь я больше не бесполезная жена альфы.

Я — хозяйка дома, который выбрал меня.

И если Райнард хочет вернуть доверие, ему придётся доказать делом: он способен защищать не власть, не родовую честь и не своё гордое имя.

А тех, кого его стая когда-то бросила.

Содержание

Глава 1. Развод при полной луне 5
Глава 2. Дом, который выбирает хозяйку 45
Глава 3. Проклятие серебряных ошейников 101
Г 141
Конец ознакомительного фрагмента. 142

Алекс Скай
Развод с альфой. Лекарня для его проклятых волчат

Глава 1. Развод при полной луне

Я очнулась от того, что меня назвали бесполезной.

Не тихо, не шёпотом, не в сердцах, когда злость вырывается раньше разума, а громко, торжественно, при сотне свидетелей, под белым светом огромной луны, висевшей над залом так низко, будто она тоже пришла посмотреть, как меня будут уничтожать.

— Лира Воронова, — произнёс седой мужчина в длинной серебряной мантии, — жена альфы Серебряного Кряжа. Выйди на круг.

Я не сразу поняла, что обращаются ко мне.

Потому что я не была Лирой Вороновой.

Или была?

Голова раскалывалась от чужих голосов, чужого воздуха, чужого запаха дыма, мёрзлого камня и мокрой волчьей шерсти. Я моргнула, пытаясь сфокусироваться, и увидела перед собой зал, которого не могло существовать.

Высокие стены из серого камня. Чёрные балки под самым

потолком. Огромные окна без стёкол, затянутые прозрачными лунными пластинами. На стенах — знаки волков, сплетённые с ветвями, звёздами и странными кругами. Вдоль стен стояли люди, но не совсем люди: у некоторых глаза светились янтарём, у других тени за плечами ложились так, будто рядом с ними сидели звери.

Я судорожно вдохнула.

На мне было платье. Тяжёлое, холодное, слишком красивое для женщины, которую собирались унизить. Серебристая ткань обтекала тело, которого я не знала. Руки — тоньше моих. Волосы, упавшие на грудь, — тёмные, почти чёрные, с белой прядью у виска. На запястье — браслет из матового металла, врезавшийся в кожу так плотно, словно был не украшением, а клеймом.

Я хотела спросить, где я. Кто все эти люди. Почему они смотрят на меня с таким жадным ожиданием, будто впереди не суд, а представление.

Но прежде чем я смогла открыть рот, рядом кто-то тихо рассмеялся.

— Она даже сейчас не понимает, что происходит, — сказал женский голос. Нежный, холодный, идеально поставленный. — Бедная Лира.

Я повернулась.

Женщина стояла у высокого кресла на возвышении. Белокурая, тонкая, как ледяная игла, в платье цвета зимнего рассвета. Её красота была такой правильной, что казалась не

живой, а вырезанной из дорогого камня. Ни одной лишней черты. Ни одной живой эмоции. Только лёгкая улыбка, от которой хотелось отступить на шаг.

Рядом с ней стоял мужчина.

И мир внутри меня на мгновение остановился.

Он был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами, собранными у затылка кожаным шнуром. На лице — жёсткие скулы, прямой нос, губы, которые, казалось, редко произносили что-то мягкое. Его глаза были серо-золотыми, как сталь, в которую упала луна. Взгляд — тяжёлый, властный, привыкший не просить, а получать.

И почему-то сердце в моей груди болезненно дёрнулось.

Не моё сердце.

Её.

Лиры.

Чужая память поднялась во мне, как волна из тёмной воды.

Райнард Морр.

Альфа Серебряного Кряжа.

Мой муж.

Нет. Не мой.

Её.

Я сжала пальцы, чтобы не вскрикнуть. В голове мелькнули обрывки: его рука на моей талии; холодный зал; свадебная луна; шёпот за спиной; годы ожидания; закрытые двери; его молчание; его взгляд, который становился всё дальше;

пустое место за главным столом; чужое имя, произнесённое рядом с его.

Велена.

Женщина у его плеча.

Новая.

Правильная.

Выбранная.

— На круг, Лира, — повторил седой мужчина. — Суд ждёт.

Меня подтолкнули в спину.

Не сильно, но достаточно, чтобы я сделала шаг.

Круг в центре зала был выложен белым камнем. По краю шли серебряные линии, похожие на следы когтей. Когда моя нога коснулась круга, браслет на запястье обжёг холодом.

Я вздрогнула.

По залу прошёл тихий шёпот.

— Почувствовала.

— Значит, связь ещё жива.

— Ненадолго.

— Тише. Альфа смотрит.

Райнард действительно смотрел.

Не на зал. Не на судью. На меня.

В его взгляде не было нежности. Не было даже сожаления. Только усталое раздражение человека, который слишком долго терпел неприятную обязанность и наконец решил её закончить.

Я знала этот взгляд.

Не как я. Как Лира.

Сколько раз она ждала, что он повернётся к ней иначе? Сколько раз искала в этом лице хоть что-то, кроме долга и холода? Сколько ночей сидела одна в своих покоях, убеждая себя, что альфе трудно, что на нём стая, враги, советники, род, власть?

Глупая.

Бедная.

Убитая чужим ожиданием женщина.

Я резко вдохнула и выпрямилась.

Нет.

Эта боль была не моя. Но тело теперь было моё. И если меня собирались добить публично, я хотя бы посмотрю убийцам в лицо.

— Я здесь, — сказала я.

Голос прозвучал хрипло, но не сломался.

Велена чуть приподняла брови. Видимо, ожидала слёз.

Седой судья развернул длинный свиток. Бумага зашелестела в тишине так громко, что у меня по спине пробежал холод.

— В ночь полной луны, при свидетелях рода Морр, стаи Серебряного Кряжа и Совета старейшин, слушается прошение альфы Райнарда Морра о расторжении брачного союза с Лирой Вороновой, дочерью утратившего силу дома Воронов. Основания: утрата доверия, отсутствие наследника, сла-

бость лунной связи, неспособность супруги занимать место Луны стаи.

Каждое слово било не по ушам — по костям.

Я не знала законов этого мира. Не знала, что такое лунная связь. Не знала, почему фраза “Луна стаи” заставила женщин у стены обменяться довольными взглядами.

Но я понимала одно: меня не просто бросали.

Меня вычёркивали.

Словно я была ошибкой в родовой записи.

Судья поднял голову.

— Альфа Райнард Морр. Подтверждаешь ли ты прошение?

Райнард сделал шаг вперёд.

Зал замер так послушно, будто сам воздух принадлежал ему.

— Подтверждаю.

Одно слово.

Всего одно.

А у Лиры внутри что-то оборвалось окончательно. Я почувствовала не мысль — эхо. Не надежду — её пепел.

Он правда это сказал.

При всех.

Без колебания.

Я медленно повернула к нему голову.

— И это всё? — спросила я.

Райнард прищурился.

— Что именно?

— Всё, что ты можешь сказать после брака? После лет рядом? После того, как твоя стая смотрела, как меня отодвигают от каждого решения, от каждого стола, от каждого права? “Подтверждаю”?

По залу прошёл шорох.

Кто-то охнул. Кто-то зло цокнул языком.

Велена наконец перестала улыбаться.

Райнард смотрел на меня долго. Слишком долго. Будто пытался понять, кто стоит перед ним.

— Не начинай, Лира.

Эти два слова были хуже крика.

В них была привычка.

Он привык, что она начинает — и замолкает. Привык, что её можно остановить одним взглядом. Привык, что она отступает, краснеет, теряет голос, когда весь зал ждёт её падения.

Я почувствовала, как пальцы сжались в кулаки.

— А если начну?

Его лицо не изменилось, но в глазах мелькнуло что-то острое.

— Ты стоишь на брачном суде.

— Именно поэтому мне интересно услышать хоть одно честное слово.

Судья ударил посохом по камню.

— Лира Воронова, ты имеешь право ответить после огла-

шения обвинений.

— Обвинений? — я резко повернулась к нему. — Так это уже не прошение? Это суд над мной?

Седой мужчина поджал губы.

— Не над тобой. Над союзом.

— Союз сам пришёл сюда и попросил его унизить?

Кто-то в дальнем ряду коротко хмыкнул, но тут же замолчал, когда Райнард перевёл взгляд.

Велена вышла вперёд плавно, будто скользнула по льду.

— Лира, не стоит усложнять. Все понимают, что тебе больно. Но иногда женщина должна принять правду достойно.

Я посмотрела на неё.

Красавица. Будущая хозяйка. Та, для кого уже освободили место.

— А иногда женщине стоит молчать, когда её не спрашивали.

На этот раз шум стал громче.

У Велены дрогнули ресницы.

— Ты забываешься.

— Нет, — сказала я тихо. — Кажется, я только что вспомнила себя.

Я сама не знала, откуда взялись эти слова. Но когда произнесла их, браслет на запястье едва заметно потеплел, словно где-то глубоко под металлом проснулась искра.

Судья нахмурился.

Райнард заметил это тоже.

Его взгляд скользнул к моему запястью, затем снова к лицу.

— Довольно, — сказал он. — Этот суд не для того, чтобы превращать неизбежное в сцену.

— Неизбежное? — я усмехнулась, и эта усмешка вышла почти чужой, слишком горькой. — Удобное слово. Им можно прикрыть всё: трусость, предательство, молчание.

— Осторожнее, Лира.

— Почему? Боишься услышать правду при своей стае?

В зале стало так тихо, что я услышала, как где-то за окнами завывает ветер.

Райнард спустился с возвышения.

С каждым его шагом люди расступались. В нём было слишком много силы. Не показной, не громкой. Той, от которой тело само вспоминает, что перед ним хищник.

Он остановился у края круга.

— Я боялся за стаю, — сказал он низко. — Не за себя.

— Тогда скажи стае, почему её Луна годами сидела за закрытыми дверями.

Его челюсть напряглась.

— Ты сама выбрала уединение.

Чужая память вспыхнула так резко, что перед глазами потемнело.

Дверь, запертая снаружи.

Служанка, шепчущая: “Так велел домоправитель”.

Письма, которые не отправили.

Приглашение на совет, которое “потерялось”.

Райнард за столом, не поднимающий глаз, когда старейшины говорят: “Лире незачем присутствовать”.

Лира, которая молчит, потому что если возразит — скажут, что она истерична. Если уйдёт — скажут, что слаба. Если попросит мужа — он ответит: “Потом”.

Потом не наступило.

— Нет, — сказала я. — За меня выбрали.

Райнард хотел ответить, но Велена опередила его.

— Как удобно обвинять всех, когда сама не смогла стать нужной.

Я медленно повернулась к ней.

— Нужной кому?

Она улыбнулась.

— Роду. Стае. Мужу.

— Или тебе?

Её глаза стали совсем холодными.

Судья снова ударил посохом.

— Достаточно. Брачный суд не место для взаимных оскорблений.

— Странно, — сказала я. — А я думала, именно для этого меня сюда и привели.

На этот раз кто-то из старейшин поднялся.

Сухой мужчина с лицом, похожим на высушенную кору, указал на меня длинным пальцем.

— Видите? Она не владеет собой. Так ведёт себя не Луна стаи, а женщина, принесшая в дом смуту.

Я посмотрела на него.

Имя пришло из памяти неохотно.

Старейшина Градор.

Тот, кто всегда говорил за Райнарда, когда самому альфе было удобнее молчать.

— Смуту приносит не та, кто задаёт вопросы, — ответила я. — А те, кто годами прячет ответы.

Градор побледнел от злости.

— Альфа, ты слышишь? Она бросает тень на Совет.

Райнард не отводил от меня взгляда.

— Лира. Последний раз прошу. Остановись.

— Нет.

Слово вышло спокойно. И именно поэтому зал вздрогнул сильнее, чем если бы я закричала.

Я стояла в чужом теле, в чужом мире, на суде, который должен был стать концом несчастной женщины. Но, может быть, именно потому, что я пришла сюда не из их стаи, не из их законов, не из их привычного страха, я вдруг поняла: мне нечего терять.

Лиру уже потеряли.

Они все.

И муж, который не услышал.

И стая, которая смотрела.

И дом, который позволил ей исчезнуть при жизни.

— Продолжайте суд, — сказала я. — Только без красивых слов. Если хотите выбросить меня из жизни альфы, называйте вещи прямо.

Судья поджал губы.

— Альфа Райнард Морр просит расторгнуть союз и снять с Лиры Вороновой права супруги альфы, право главного стола, право голоса в семейных решениях, право на покои восточного крыла, право носить знак Морр и право именоваться Луной Серебряного Кряжа.

С каждым "право" у меня словно снимали кожу.

Не мою.

Её.

Лира жила этими маленькими уступками, потому что иных побед у неё не было. Знак на платье. Место рядом с мужем, пусть он и смотрел мимо. Право войти в зал, пусть её там никто не слушал. Право надеяться, что однажды всё изменится.

Теперь у неё забирали даже надежду.

— Что остаётся? — спросила я.

Судья на мгновение замолчал.

Градор усмехнулся.

— Имя, если не опозоришь его окончательно.

Райнард резко посмотрел на него.

— Градор.

В этом одном слове было предупреждение.

Но поздно.

Я услышала.

И запомнила.

— Нет, — произнёс судья. — По древнему брачному закону женщина, изгнанная из главного дома без доказанной измены крови, не может быть оставлена без крыши в ночь полной луны. Ей полагается владение, не занятое родом мужа, если такое числится в брачной описи.

Велена напряглась.

Впервые за всё время её лицо потеряло гладкую уверенность.

— В описи ничего нет, — быстро сказала она.

Судья опустил взгляд в свиток.

— Есть.

По залу прошёл новый шёпот.

Райнард нахмурился.

— Что именно?

Старейшина Градор сжал посох обеими руками.

— Формальность. Старое северное крыло. Оно непригодно.

— Но числится? — спросил судья.

Градор промолчал.

Я почувствовала, как внутри меня что-то насторожилось.

Велена шагнула ближе к Райнарду.

— Это место закрыто. Там нет жизни. Нет тепла. Нет смысла отдавать его ей, когда можно назначить содержание и отправить в приграничный дом.

Отправить.

Так просто.

Будто речь шла о сундуке с треснувшей посудой.

Райнард медленно повернул голову к ней.

— Ты знала об этом крыле?

На долю мгновения её лицо застыло.

— Все знают легенды. Не более.

— Я не спрашивал про легенды.

В её глазах мелькнуло раздражение, но тут же исчезло под тонкой улыбкой.

— Райнард, сейчас не время.

Я посмотрела на них обоих и вдруг поняла: вот оно. Маленькая трещина в идеально подготовленной казни. Они хотели забрать у Лиры всё, быстро, красиво, публично. Но старый закон оказался занозой.

Северное крыло.

Лекарня Луны.

При этих словах чужая память внутри меня отозвалась не картинкой, а страхом.

Закрытые двери. Запретная галерея. Слуги, спешащие мимо. Детский плач? Нет, не плач. Может, ветер. Может, дом скрипел. Может, Лира когда-то слышала и решила, что ей показалось, потому что в этом доме ей слишком часто говорили: “Тебе кажется”.

— Я принимаю, — сказала я.

Все повернулись ко мне.

Судья даже моргнул.

— Что?

— Северное крыло. Я принимаю его.

Градор рассмеялся первым.

Сухо, неприятно.

Следом кто-то фыркнул у стены. Потом ещё. Смех прокатился по залу, не громкий, но липкий, как грязь на подоле.

— Она принимает, — произнесла одна из женщин. — Да она не переживёт там первую ночь.

— Там даже слуги не ходят.

— Дом Луны давно мёртв.

— Подходящее место для бывшей.

Райнард не смеялся.

Он смотрел на меня так, будто я сделала ход, которого он не ожидал.

— Ты не понимаешь, что это за место.

— Тогда объясни.

Он молчал.

Я улыбнулась краешком губ.

— Опять нет времени?

Его глаза сузились.

— Северное крыло закрыто больше двадцати лет. После пожара старой Луны там остались повреждённые залы, пустые комнаты и плохая память. Никто не живёт там.

— Значит, места хватит.

— Лира.

Впервые в его голосе появилось что-то, похожее не на приказ. На предупреждение. Может быть, даже на тревогу.

Поздно, альфа.

Тревожиться нужно было раньше.

— Ты расторгаешь брак? — спросила я.

Он помолчал.

— Да.

— Забираешь дом?

— Восточное крыло принадлежит роду Морр.

— Имя?

— Знак Морр снимается после суда.

— Место рядом с собой?

Его лицо стало каменным.

— Это уже не твоё место.

Удар попал точно.

Не в меня — в ту, что жила здесь до моего пробуждения. Я почувствовала, как где-то глубоко внутри дрогнула последняя ниточка её привязанности.

Я позволила боли пройти через себя.

Не оттолкнула.

Не спрятала.

Пусть все видят.

Пусть знают, что женщину можно ранить, но нельзя заставить её благодарить за нож.

— Тогда северное крыло моё, — сказала я. — По вашему закону. При вашей луне. При вашей стае. Запишите это.

Судья опустил взгляд в свиток.

— Альфа?

Райнард долго не отвечал.

Велена коснулась его рукава.

— Не надо. Это унизит дом ещё сильнее. Ей нельзя давать право на часть родового замка.

Он не посмотрел на неё.

— Закон есть закон.

Градор резко поднялся.

— Альфа, это безумие. Северное крыло связано с древними обязательствами. Если она войдёт туда как владелица…

— Она войдёт туда как бывшая супруга, которой полагается крыша, — перебил Райнард. — Или Совет хочет нарушить брачный закон при полной луне?

Градор замолчал.

Я заметила, как несколько старейшин переглянулись.

Значит, не просто старый дом.

Не просто ссылка.

Они боялись этого места.

Хорошо.

Я уже начинала его любить.

Судья поднял посох.

— Брачная связь Райнарда Морра и Лиры Вороновой расторгается при свете полной луны. Права супруги альфы с неё снимаются. Знак Морр возвращается роду. Во владение Лиры Вороновой переходит северное крыло, именуемое в ста-

рых записях Лекарней Луны, со всеми стенами, залами, печатями и правами, которые к нему прикреплены.

На последнем слове браслет на моём запястье треснул.

Не сломался полностью, но по металлу прошла тонкая сияющая линия. Зал ахнул.

Райнард шагнул ко мне.

— Покажи руку.

Я инстинктивно отступила.

— Ты больше не имеешь права мне приказывать.

Он замер.

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было задохнуться.

Я подняла руку сама и посмотрела на браслет. Серебристый металл тускнел. На месте трещины проступал крошечный знак: полумесяц, обвитый веткой.

Судья побледнел.

Градор прошептал:

— Не может быть.

Велена смотрела на моё запястье так, будто хотела содрать знак ногтями.

— Это просто отклик старой печати, — резко сказала она. — Ничего больше. Дом давно пуст.

— Тогда почему вы все так испугались? — спросила я.

Никто не ответил.

Вот это мне понравилось больше всего.

Суд закончился быстро. Слишком быстро для события,

которое должно было поставить точку в моей жизни.

С меня сняли знак Морр.

Это было почти смешно: женщина из Совета подошла с маленькой серебряной пластиной, коснулась моего плеча, и вышивка на платье потемнела, словно выгорела в одно мгновение. Там, где был родовой волк, осталась пустая ткань.

Лира внутри меня снова дрогнула.

Я почти услышала её мысль: “Теперь я никто”.

Нет, ответила я ей мысленно. Теперь мы свободны.

Райнард всё это время стоял рядом, но не приближался. Стая расходилась медленно, жадно оглядываясь. Люди хотели запомнить моё лицо: униженное, лишённое, отправленное в мёртвое крыло.

Я не дала им такой радости.

Я держала спину прямо.

Даже когда колени слабели.

Даже когда чужое тело, измученное годами молчания, просило опуститься на пол.

Велена подошла последней.

От неё пахло морозными цветами. Красиво и неживо.

— Ты могла уйти спокойно, — сказала она. — С небольшим достоинством.

— А ты могла не подходить, — ответила я. — С большим умом.

Её улыбка стала тоньше.

— Северное крыло не подарок.

— Я заметила. Ты очень расстроилась, что оно досталось мне.

— Я расстроилась из жалости.

— Тогда береги себя. Такое чувство быстро портит лицо.

За её плечом кто-то подавился смешком.

Велена не повернулась.

— Ты изменилась, Лира.

— Да.

— Но это тебя не спасёт.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— А тебя?

На секунду её красота треснула. Не внешне. Глубже. Взгляд стал злым, почти звериным.

Потом она снова улыбнулась и ушла к Райнарду.

Он ждал у выхода из зала. На миг мне показалось, что он что-то скажет. Может быть, спросит, действительно ли я хочу идти туда. Может быть, предупредит. Может быть, впервые за долгое время произнесёт не приказ и не приговор.

Но Велена взяла его под руку.

И он позволил.

Они ушли вместе.

Зал опустел.

Рядом со мной осталась только старая служанка с круглым испуганным лицом и связкой ключей в руках. Она долго мялась, потом протянула мне самый большой ключ — чёрный, тяжёлый, с полумесяцем на головке.

— Госпожа… то есть… Леди Лира…

— Просто Лира.

Служанка вздрогнула так, будто я сказала что-то неприличное.

— В северное крыло лучше не идти ночью.

— Почему?

Она оглянулась.

— Там… холодно.

— Это я уже слышала.

— И дом не любит чужих.

Я посмотрела на ключ.

Он был тёплым.

Теплее моих пальцев.

— Значит, познакомимся.

Служанка побледнела.

— Мне приказано проводить вас только до галереи. Дальше… дальше никто не ходит.

— Как тебя зовут?

— Нисса.

— Нисса, ты боишься этого места?

Она быстро кивнула.

— Все боятся.

— А меня?

Служанка растерянно заморгала.

— Вас?

— Меня тоже все боялись до суда?

Она опустила глаза.

И этим ответила.

Я тихо рассмеялась. Смех вышел усталым, но живым.

— Прекрасно. Значит, у меня с северным крылом уже есть что-то общее.

Нисса не улыбнулась.

Она провела меня через длинные коридоры замка. Чем дальше мы уходили от главного зала, тем меньше становилось света. Сначала исчезли голоса. Потом запах дыма и богатой еды. Потом тепло.

Камень под ногами стал темнее. На стенах вместо гобеленов висели пустые крюки. Окна попадались всё реже, и лунный свет ложился на пол узкими полосами, похожими на дороги для призраков.

Я шла и пыталась собрать мысли.

Я умерла?

Попала в другой мир?

Заняла тело женщины, которую только что развели с альфой?

Сумасшествие.

Но сумасшествие редко имеет такие чёткие запахи, такую тяжесть платья, такую боль в ногах и такой ледяной ключ в ладони.

Память Лиры возвращалась обрывками. Она была дочерью слабого дома, выданной за альфу ради старого соглашения. Когда-то она верила, что брак может стать настоящим.

Райнард был суров, но не жесток. Молчалив, но не груб. Он смотрел на неё не с любовью, но и не с отвращением.

Потом начались годы пустоты.

Совет говорил за него. Велена появилась при дворе как дальняя родственница одного из старейшин. Слуги перестали спрашивать Лиру о меню, встречах, праздниках. Её покои стали красивой клеткой. Райнард приходил всё реже. А когда приходил, говорил о долге, терпении и стае.

Ни одного настоящего разговора.

Ни одного выбора.

Ни одного “как ты?”

Я остановилась у высокого окна и посмотрела на луну.

— Долго ещё?

Нисса вздрогнула.

— Почти пришли, леди.

— Ты можешь называть меня Лирой.

— Не могу, леди.

— Почему?

— Потому что если дом вас принял, вы не просто Лира.

Я повернулась.

— Что значит “принял”?

Она уставилась на ключ в моей руке.

— Он не должен был согреться.

Мои пальцы невольно сжались.

— А если согрелся?

— Тогда лучше не сердить его.

Я хотела спросить ещё, но мы свернули в последнюю галерею.

И я увидела двери.

Они занимали почти всю стену: высокие, чёрные, с серебряными прожилками, похожими на ветви подо льдом. На створках был вырезан полумесяц, а под ним — волчица, свернувшаяся вокруг трёх звёзд.

От дверей веяло не смертью.

Ожиданием.

Нисса остановилась в нескольких шагах.

— Дальше я не пойду.

— Я поняла.

— Леди… — Она облизнула губы. — Если услышите голоса, не отвечайте сразу.

Прекрасный совет на ночь.

— А когда отвечать?

Она посмотрела на меня так серьёзно, что улыбка сама исчезла с моих губ.

— Когда поймёте, кто зовёт.

С этими словами Нисса поклонилась и почти побежала назад.

Я осталась одна.

Северная галерея была тихой. За окнами шевелился лес. Где-то далеко выли волки, но не страшно, а протяжно, будто перекликались с луной.

Я подошла к дверям.

Ключ сам лёг в замочную скважину.

Я даже не успела повернуть его — замок щёлкнул изнутри.

Створки медленно распахнулись.

И Лекарня Луны впустила меня.

Первым ощущением был холод.

Не мороз, не сырость, а пустота, которая слишком долго стояла без живого голоса. Воздух пах пылью, старым деревом, камнем после дождя и чем-то ещё — едва уловимым, тёплым, как воспоминание о хлебе в доме, куда давно никто не возвращался.

Я вошла.

За дверями оказался огромный холл с лестницей, уходящей на второй этаж. Под потолком висела потускневшая люстра, в которой не горело ни одного огня. Стены были покрыты резными панелями. На полу лежал потрескавшийся мозаичный круг: луна, волчица, три звезды.

Те же знаки, что на дверях.

Когда я сделала второй шаг, где-то в глубине дома скрипнула доска.

Я замерла.

— Здесь кто-то есть?

Молчание.

Я сама едва не рассмеялась над собой. Конечно, кто-то есть. Я. Женщина, которую развели при полной луне и отправили в дом с дурной славой.

Начало новой жизни могло быть и уютнее.

Но с другой стороны, в прежней моей жизни новая глава вообще не предполагалась.

Я подняла руку с ключом.

— Значит так, дом. Я не знаю твоих правил. Не знаю, почему тебя боялись. Не знаю, что со мной произошло и почему я теперь здесь. Но если ты решил меня добить, становись в очередь. Сегодня желающих было много.

Тишина.

Потом где-то наверху тихо щёлкнуло.

Один огонёк вспыхнул в люстре.

Маленький. Серебристый. Не пламя. Скорее свет, собравшийся из луны.

Я медленно подняла брови.

— Я сочту это за приветствие.

Вспыхнул второй огонёк.

Потом третий.

Не вся люстра. Только три.

У меня по коже пробежали мурашки.

Три звезды на двери.

Три огня.

Я сделала ещё шаг.

Пол под ногами едва заметно потеплел. Не весь. Только дорожка от входа к лестнице, словно дом показывал, куда идти.

— Ты хочешь, чтобы я поднялась?

В ответ наверху скрипнула дверь.

Нет, Лира, сказала я себе. Хорошие героини в таких историях не идут ночью по скрипящим лестницам в заброшенных крыльях.

Но хорошие героини, вероятно, не просыпаются на собственном разводе с альфой.

Я поднялась.

Ступени жаловались под ногами, но держали. На стенах висели портреты. Лица женщин с тёмными волосами и светлыми прядями у висков смотрели на меня строго. У каждой на шее был знак полумесяца. У каждой рядом — волк. Не покорный, не приручённый. Равный.

Я остановилась перед последним портретом.

Женщина на нём была совсем молодой. В её глазах горел такой спокойный огонь, что я невольно выпрямилась. Под портретом потускневшими буквами было написано:

“Элиана Морр. Последняя Луна северного крыла.”

Последняя.

— Что с тобой случилось? — прошептала я.

Где-то за стеной раздался звук.

Тихий.

Такой тихий, что я сперва решила: показалось.

Я задержала дыхание.

Снова.

Не скрип. Не ветер.

Всхлип.

Детский.

Я похолодела.

Нисса сказала: если услышите голоса, не отвечайте сразу.

Но это был не голос.

Это был плач.

Я пошла на звук.

Коридор второго этажа оказался длинным, узким и темнее холла. Лунный свет просачивался через высокие окна, рисуя на полу бледные прямоугольники. Двери справа и слева были закрыты. Некоторые — обычные, деревянные. Другие — с серебряными линиями по краям.

Плач повторился.

Ближе.

Я остановилась у стены между двумя дверями.

Звук шёл не из комнаты.

Из-за стены.

Я провела рукой по панели. Дерево было холодным, но под пальцами нащупалась резьба: полумесяц, ветвь, маленькая звезда.

— Откройся, — сказала я тихо.

Ничего.

Я нажала сильнее.

— Я не знаю, как это работает. Но если там ребёнок, мне некогда разгадывать загадки.

Панель дрогнула.

Где-то внутри щёлкнул механизм, старый, тяжёлый. Уз-

кая щель открылась так внезапно, что я отшатнулась. Из темноты пахнуло застоявшимся воздухом и страхом.

Не моим.

Чужим.

Живым.

— Кто там? — спросила я.

Тишина.

Потом шорох.

Я протиснулась в проём.

За стеной оказалась маленькая потайная комната без окон. Не каморка — скорее скрытый детский уголок, когда-то обустроенный с заботой. На полу лежали старые ковры. В углу стояла низкая скамья. На стене висел потускневший рисунок луны, вокруг которой бежали три волчонка.

И в дальнем углу, прижавшись друг к другу, сидели дети.

Трое.

Сначала я увидела глаза.

Светящиеся в темноте.

Жёлтые, серые, голубоватые — испуганные, настороженные, слишком взрослые для детских лиц.

Старшая девочка лет десяти выставила перед собой руку, закрывая двух младших. Волосы у неё были спутанные, тёмные, с серебряной прядью у виска. Прямо как у меня. Губы плотно сжаты. Взгляд колючий, злой, отчаянный.

Рядом с ней сидел мальчик, может, семи лет. Худой, взъерошенный, с разбитой губой и взглядом маленького зве-

ря, загнанного в угол. Он тихо рычал. По-настоящему.

Самый младший прятался за ними. Совсем маленький. Лет пяти, не больше. Светлые волосы падали на глаза, пальцы вцепились в край старого покрывала.

У всех троих на запястьях были серебряные метки.

Не браслеты.

Не украшения.

Знаки, впаянные в кожу сияющими линиями.

Я медленно опустилась на колени, чтобы не нависать над ними.

— Я не трону вас.

Мальчик зарычал громче.

Старшая девочка резко сказала:

— Взрослые всегда так говорят.

Голос у неё дрожал, но она держалась. Маленькая защитница в пыльной тайной комнате.

— Я не все взрослые.

— Все так говорят тоже.

Справедливо.

Я медленно положила ключ на пол между нами и отодвинула руку.

— Меня зовут Лира.

Девочка вздрогнула.

Мальчик перестал рычать.

Младший поднял глаза.

— Лира? — прошептал он.

В его голосе было столько надежды и ужаса, что у меня сжалось сердце.

— Да.

Старшая девочка прищурилась.

— Настоящая?

Я не знала, что ответить.

Настоящая Лира, возможно, не выдержала суда. Возможно, её душа ушла в тот самый миг, когда Райнард сказал "подтверждаю". Возможно, я заняла её место потому, что кто-то должен был войти в этот дом.

Но детям в углу не нужна была правда про чужой мир.

Им нужна была безопасность.

— Настоящая настолько, насколько могу быть сейчас, — сказала я. — Я пришла сюда жить.

Девочка быстро посмотрела на дверь.

— Вас выгнали?

— Да.

Мальчик фыркнул.

— Значит, вы слабая.

Я почти улыбнулась.

— Возможно. Но дверь открылась мне, а не тем, кто меня выгнал.

Он нахмурился, явно не найдя быстрого ответа.

Младший вдруг тихо всхлипнул.

Старшая девочка тут же обняла его за плечи.

— Тихо, Эль. Не говори.

Эль.

Имя упало в тишину, как маленькая звезда.

— Он замёрз? — спросила я и тут же осторожно добавила: — Я могу принести одеяла. Еду. Воду. Всё, что нужно.

Старшая девочка смотрела на меня недоверчиво.

— Вы скажете им.

— Кому?

Она молчала.

Мальчик ответил за неё:

— Альфе.

Это слово снова ударило по комнате невидимой силой.

Эль вжался в стену.

Я медленно вдохнула.

— Райнарду?

Старшая девочка побледнела.

Теперь сомнений не осталось: они знали его имя. И боялись не просто альфы как власти. Боялись именно его.

— Почему вы здесь? — спросила я. — Кто вас спрятал?

Девочка сжала губы.

Мальчик снова тихо зарычал.

Эль смотрел на меня огромными глазами.

Я не стала давить.

Встала медленно, без резких движений.

— Я выйду на минуту. Найду свет и что-нибудь тёплое. Дверь оставлю открытой. Вы можете не подходить ко мне. Можете даже не верить. Но я вернусь.

— Все уходят, — сказал мальчик.

В его голосе злость была тонкой коркой поверх боли.

Я посмотрела на него.

— Я сегодня уже потеряла дом, мужа, имя и место за столом. Уходить мне особенно некуда.

Он отвёл взгляд первым.

Я вышла обратно в коридор.

И только там позволила себе прислониться к стене.

Трое детей.

В тайной комнате.

В заброшенном крыле, которое все называли пустым.

С серебряными метками.

Боящиеся Райнарда.

А суд только что отдал мне этот дом со всеми правами, прикреплёнными к нему.

“Северное крыло связано с древними обязательствами”, — сказал Градор.

Велена побледнела, когда услышала, что дом достанется мне.

Райнард не знал?

Или знал?

Я не успела додумать.

Внизу, в холле, что-то глухо ударило.

Я замерла.

Потом услышала голоса за главными дверями.

Мужские. Приглушённые. Недовольные.

— Приказ альфы. Проверить, вошла ли она.

— Ночью?

— Велено убедиться.

Велено.

Не сказано кем.

Но я почему-то сразу увидела белое платье Велены и её холодную улыбку.

Я вернулась в потайную комнату быстрее, чем думала.

Дети вздрогнули, когда я появилась.

— Сюда идут, — сказала я шёпотом. — Вы можете закрыть эту дверь изнутри?

Старшая девочка вскочила.

— Они нашли нас?

— Пока нет.

Мальчик схватил Эля за руку.

— Я говорил! Она привела их!

— Нет, — сказала я жёстко, но тихо. — Слушайте меня. Я не знаю, кто вы и почему вас прячут. Но если вы боитесь тех, кто идёт, значит, они вас не получат.

Старшая девочка смотрела мне в лицо.

Очень внимательно.

Так смотрят дети, которые слишком рано научились отличать ложь от правды.

— Почему? — спросила она.

Внизу снова ударили. Теперь громче.

— Леди Лира! Откройте по распоряжению дома!

Я усмехнулась одними губами.

— Потому что сегодня меня уже развели, унизили и отправили умирать от страха в заброшенное крыло. Будет слишком скучно, если я просто выполню следующий приказ.

У мальчика дрогнули губы.

Почти улыбка.

Почти.

Я подняла руку к панели.

— Закрывайтесь. Не шумите. Я разберусь.

Старшая девочка шагнула ко мне.

— Если они спросят…

— Они не спросят.

— А если альфа придёт сам?

Вот тут я не ответила сразу.

Потому что перед глазами встал Райнард. Его холодное "подтверждаю". Его взгляд на моё запястье. Его голос: "Ты не понимаешь, что это за место".

Возможно, он действительно не понимал.

Возможно, понимал слишком многое.

Но пока я знала только одно: дети в тайной комнате боялись попасть к нему.

И этого было достаточно.

— Тогда я спрошу его первой, — сказала я. — Почему в доме, который он называл пустым, прятались трое детей.

Глаза девочки расширились.

— Вы правда не знаете?

— Нет.

Она хотела что-то сказать, но младший вдруг потянул её за рукав.

— Мира…

Имя оборвалось на полуслове.

Мира.

Старшая.

Она резко прижала палец к губам.

Поздно. Я услышала. И сделала вид, что не поняла.

Пока доверие нельзя было требовать. Его можно было только не разрушить.

Я вышла из потайной комнаты и закрыла панель. Серебряные линии на дереве вспыхнули и погасли, скрывая шов.

Снизу снова крикнули:

— Леди Лира! Откройте!

Я спустилась не торопясь.

На половине лестницы заметила своё отражение в тёмном окне.

Женщина в испорченном серебристом платье. Бледная. С тёмными волосами и белой прядью. Без знака Морр. С треснувшим браслетом на запястье и новым полумесяцем под кожей.

Бывшая жена альфы.

Хозяйка мёртвого крыла.

И, кажется, единственный человек, который сегодня услышал плач за стеной.

Я подошла к дверям.

За ними стояли двое воинов в серых плащах. Их силуэты были видны сквозь серебристые прожилки створок.

— Открывайте, — приказал один. — Мы должны осмотреть помещение.

Я не открыла.

— На каком основании?

— Приказ.

— Чей?

Пауза.

— Дома Морр.

Я улыбнулась.

Вот и первая проверка.

— Дом Морр сегодня передал северное крыло мне. Со всеми стенами, залами, печатями и правами. Вы были на суде?

Снова пауза.

— Леди, не усложняйте.

— Я не леди Морр. И не обязана впускать в свой дом тех, кто не может назвать имя отдавшего приказ.

Второй воин тихо выругался.

Первый понизил голос:

— Лира, открой. Мы просто посмотрим и уйдём.

Знакомый голос?

Память подсказала имя.

Кердан. Один из младших стражей восточного крыла. Ко-

гда-то носил письма. Иногда смотрел с жалостью, но никогда не помогал.

— Кердан, — сказала я, — если ты просто посмотришь, то просто ответишь, кто тебя прислал.

Он молчал.

И этого хватило.

— Передай тому, кто стоит за твоей спиной, — продолжила я, — что бывшая жена альфы оказалась плохо воспитана. Ночью чужих мужчин в дом не пускает.

— Лира…

— Доброй ночи.

Я положила ладонь на створку.

Не знаю, что ожидала. Может, ничего.

Но дом ответил.

Серебряные линии на дверях вспыхнули от пола до потолка. За дверью кто-то отшатнулся. Я услышала сдавленное ругательство, топот, потом отдаляющиеся шаги.

Тишина вернулась не сразу.

Я стояла, прижав руку к двери, и чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле.

— Спасибо, — прошептала я дому.

В ответ в холле вспыхнули ещё три огонька.

Шесть.

Я вернулась наверх.

Панель открылась после первого прикосновения.

Дети сидели всё так же, но теперь смотрели на меня иначе.

Не доверяли. Нет.

Но уже не так, как смотрят на врага.

— Они ушли, — сказала я.

Мальчик поднял подбородок.

— Пока.

— Согласна. Поэтому нам нужно решить, что делать дальше.

Старшая девочка осторожно вышла из угла.

— Вы не отдали нас.

— Я же сказала.

— Взрослые говорят многое.

— А я сегодня в плохом настроении для лжи.

Она изучала меня ещё несколько долгих секунд.

Потом младший, Эль, вдруг выбрался из-за её спины и сделал ко мне шаг.

Мира резко схватила его за плечо.

— Нет.

Но он упрямо покачал головой.

Маленький, бледный, с огромными глазами, он подошёл ближе. Остановился на расстоянии вытянутой руки. Поднял своё запястье с серебряной меткой.

Линии на его коже едва светились.

— Вы Луна? — спросил он.

Я присела перед ним.

— Не знаю.

— Дом вас пустил.

— Да.

— Дверь вас слушается.

— Похоже на то.

Он сглотнул.

— Тогда не отдавайте нас.

Голос его стал совсем тонким.

Мира замерла.

Мальчик перестал дышать так шумно.

Я посмотрела на троих детей, спрятанных в доме, который все называли пустым. На серебряные знаки. На страх, который был старше сегодняшней ночи. На надежду, которую они боялись пустить ближе.

— Не отдам, — сказала я.

Эль шагнул ещё ближе и вдруг вцепился пальцами в край моего платья.

— Даже альфе?

Я почувствовала, как ледяная рука сжала сердце.

Внизу, за закрытыми дверями, дом снова затих. За окнами поднялся ветер. Полная луна заглянула в комнату через щель коридора, и серебряные метки на запястьях детей вспыхнули ярче.

Эль поднял на меня глаза.

И прошептал:

— Не отдавайте нас альфе. Он не знает, что мы живы.

Глава 2. Дом, который выбирает хозяйку

— Не знает? — переспросила я тихо.

Эль тут же зажал рот ладонью, будто слова вырвались сами, без разрешения, и теперь за них обязательно накажут. Мирана резко притянула его к себе, закрывая плечом, а мальчик, которого я пока знала только по злому рычанию и упрямому подбородку, шагнул вперёд.

Маленький. Худой. В грязной рубашке с порванным воротом. Но стоял так, будто между мной и остальными вырос не ребёнок, а стена.

— Он ничего не говорил, — бросил мальчик. — Вы ничего не слышали.

— Тавр, — прошипела Мирана.

Значит, его звали Тавр.

Имя подошло ему сразу. Колючее, крепкое, с глухим звуком внутри. Такое имя не плачет. Такое имя кусается, даже если страшно.

Я медленно подняла руки ладонями вперёд.

— Хорошо. Я ничего не слышала.

Тавр сощурился.

— Врёте.

— Конечно. Но сейчас это полезная ложь.

Мирана смотрела на меня почти с ненавистью, но в этой ненависти было слишком много усталости. Взрослые предавали её так часто, что доверие стало для неё не чувством, а роскошью, на которую она не имела права.

Эль уткнулся носом в её бок. Серебряная метка на его запястье погасла, словно испугалась собственного света.

Я не стала подходить ближе.

В комнате и без того не хватало воздуха: пыльные ковры, старое дерево, запах холодного камня, страх троих детей и моя собственная растерянность, которую приходилось держать за горло, чтобы она не сорвалась наружу. Где-то внизу дом вздыхал, тихо и протяжно, будто просыпался после очень долгого сна и не понимал, кто теперь ходит по его коридорам.

— Послушайте меня, — сказала я. — Я попала сюда меньше часа назад. Меня развели при всей стае, отправили в это крыло и, судя по всему, рассчитывали, что я либо сбегу, либо замёрзну от ужаса на пороге. Я не знаю ваших законов. Не знаю, почему вы здесь. Не знаю, что означают ваши метки. Но я знаю, как выглядят дети, которые ждут удара. И знаю, что нормальный дом не держит детей за стеной.

Тавр оскалился.

— Это хороший дом.

— Тогда не дом вас держал.

Мирана вздрогнула первой.

Вот оно.

Слово попало туда, куда нужно.

Я осторожно опустилась на пол, не приближаясь к ним. Сидеть в дорогом грязном платье на пыльных досках оказалось неожиданно легко. После брачного суда, где меня раздели до костей одними словами, пыль уже не казалась бедой.

— Я не буду спрашивать всё сразу, — продолжила я. — Вы всё равно не ответите. И правильно сделаете. Я для вас чужая. Но нам нужно решить три вещи. Первое: вам нельзя оставаться в этой тёмной комнате. Второе: меня наверняка снова проверят. Третье: если Райнард действительно не знает о вас, кто-то очень постарается, чтобы он не узнал и дальше.

При имени альфы Эль снова дрогнул.

Не плакал. Даже не всхлипнул. Просто стал меньше, словно пытался втянуть себя в складки Мираниного платья.

У меня болезненно сжалось сердце.

— Он страшный, — прошептал Эль.

Мирана закрыла ему рот ладонью, но не грубо, а испуганно.

— Не надо.

— Пусть говорит, если хочет, — сказала я.

— А если не хочет? — резко спросила она.

— Тогда пусть молчит. Я не собираюсь вытаскивать слова клещами.

Тавр нахмурился.

— Чем?

Я моргнула.

Вот и первая ловушка чужого мира. Вроде обычное выражение, а ребёнок смотрит так, будто я назвала предмет из сказки.

— Ничем, — сказала я. — Я имела в виду: не буду заставлять.

Тавр недоверчиво кивнул, но взгляда не отвёл.

Мирана чуть расслабила руку, и Эль снова выглянул.

— Он большой, — сказал малыш. — И у него глаза… как у двери зимой.

Я невольно вспомнила Райнарда: серо-золотой взгляд, холодный голос, тяжёлая власть, под которой весь зал дышал осторожнее. Да, для ребёнка он мог быть страшным. Для взрослой женщины, если честно, тоже.

— Большие не всегда правы, — сказала я. — А страшные не всегда виноваты в том, в чём их обвиняют. Но пока я не узнаю правду, вы останетесь здесь. Под моей защитой.

— У вас нет защиты, — сказал Тавр. — У вас даже стражи нет.

— У меня есть дверь, которая не пустила чужих мужчин.

Он открыл рот, закрыл, потом буркнул:

— Дверь старая.

— Зато с характером.

Эль вдруг тихо прыснул.

Совсем коротко. Почти беззвучно. Но это был смех.

Мирана посмотрела на него так, будто давно забыла, как он звучит. В её лице на миг проступило не упрямство, не

злость, а девочка десяти лет, которой самой хотелось, чтобы кто-то встал впереди и сказал: “Я разберусь”.

Мне нельзя было ошибиться.

Ни сейчас, ни потом.

— Вы можете выйти? — спросила я. — Не из крыла. Из комнаты. В коридор или вниз.

Трое детей одновременно посмотрели на свои запястья.

Ответ был ясен ещё до слов.

— Мы можем, — сказала Мирана. — Но недолго.

— Почему?

Она стиснула губы.

Тавр обнял себя за локти.

Эль прошептал:

— Серебро зовёт обратно.

Серебро.

Я посмотрела на метки внимательнее. Тонкие линии были не просто узором. Они сходились вокруг запястья, образуя неполный круг, а от него тянулись вверх маленькие ветви, похожие на родовые знаки. На каждой детской руке рисунок отличался. У Мираны — волчица и три коротких луча. У Тавра — два скрещённых следа. У Эля — маленькая звезда внутри полумесяца.

Красиво.

И жутко.

Словно кто-то взял то, что должно было защищать, и превратил в повод бояться.

— Они болят? — спросила я и тут же пожалела о слове.

Мирана молча посмотрела на меня.

Не детским взглядом. Взглядом человека, который уже понял: если честно сказать о слабом месте, туда обязательно ударят.

— Иногда, — ответил за неё Тавр. — Когда далеко.

— Далеко от чего?

Он указал подбородком на пол.

— От дома.

Я опустила взгляд.

Дом.

Не просто стены. Не просто крыло. Что-то держало этих детей внутри, но в то же время прятало их от тех, кто приходил. Защищало или запирало? А может, и то и другое — как часто бывает с древними обещаниями, которые пережили тех, кто их давал.

— Тогда пойдём недалеко, — сказала я. — Найдём комнату рядом. С окнами. С местом, где можно сесть нормально. И с дверью, которую я смогу видеть.

— А если дом не пустит? — спросил Эль.

Я посмотрела на деревянную панель, на тонкую серебряную линию, скрывающую проход.

— Тогда попрошу вежливо.

Тавр фыркнул.

— Дома не слушают вежливо.

— Этот сегодня слушал язвительно. Попробуем разные

способы.

Эль снова почти улыбнулся.

Мирана заметила это и стала ещё осторожнее.

— Вы странная, — сказала она.

— Сегодня мне это уже намекали.

— Нет. По-другому странная. Раньше вы не были такой.

Тишина упала между нами тяжело.

Я знала, что этот момент придёт, но не думала, что так быстро. Дети, спрятанные за стенами, видели больше, чем взрослые, разгуливавшие по залам. Они знали прежнюю Лиру. Или хотя бы знали о ней достаточно, чтобы понимать: женщина перед ними изменилась не просто от обиды.

Я встретила взгляд Мираны.

— Раньше я многое терпела.

— А теперь?

— А теперь устала.

Это было не вся правда. Но и не ложь.

Мирана не поверила полностью, но приняла ответ как временный. Умная девочка. Слишком умная. У таких детей детство заканчивается не в определённый год, а в тот день, когда они впервые понимают, что взрослым нельзя доверять по должности.

Я поднялась и протянула руку не детям, а в сторону проёма.

— Никого за руку не беру. Идём так: я впереди, вы за мной. Если станет плохо, говорите сразу. Если услышите ша-

ги — тоже.

— Мы лучше слышим, — буркнул Тавр.

— Отлично. Тогда ты отвечаешь за шаги.

Он растерялся на половину секунды.

— Я?

— Ты. У тебя вид такой, будто ты всё равно собирался командовать.

Мирана прижала губы, чтобы не улыбнуться.

Тавр покраснел от злости или смущения, я не разобрала.

— Я не командую.

— Конечно. Ты просто громко не соглашаешься.

Эль тихо сказал:

— Он всегда так.

— Эль! — одновременно шикнули Мирана и Тавр.

Я отвернулась, скрывая улыбку.

Вот теперь они становились живыми. Не тайной, не крючком в конце главы, не страшной находкой в заброшенном крыле, а детьми. Колючими, голодными, измученными, но живыми.

Дом открыл панель без скрипа.

Я вышла первой. Коридор встретил нас серебристым полумраком и неожиданным теплом под ногами. Не сильным, не домашним пока, но уже не тем ледяным ожиданием, которое было при входе. Настенные панели будто светлели там, где рядом проходил Эль. А когда Мирана переступила порог, на ближайшей двери проявился тонкий знак: волчица,

положившая морду на лапы.

Девочка остановилась.

— Этого не было.

— Что именно?

Она указала на знак.

— Эта комната спала.

— Комнаты здесь тоже спят?

— Всё спит, когда никто не зовёт.

Слова прозвучали не как объяснение. Как то, что ей когда-то говорили.

— А кто должен звать?

Мирана пожала плечом и снова стала недоступной.

— Луна.

Я медленно повернулась к двери.

— Что ж. Луна у нас сейчас сомнительная, но другой нет.

Тавр хмыкнул.

Я коснулась знака.

— Откройся, пожалуйста.

Ничего.

— Очень пожалуйста.

Дверь осталась закрыта.

Тавр сложил руки на груди.

— Вежливо не вышло.

— Я заметила.

Я посмотрела на рисунок: волчица, три луча, ветви, спускающиеся к ручке. Может, дом не любил просьбы. Может,

он хотел не слов, а решения. В конце концов, он открылся мне не потому, что я была милой. Я просто пришла и заявила, что теперь здесь живу.

Я положила ладонь на дверь увереннее.

— Это моя комната, — сказала я. — Или их. Но в любом случае она больше не будет пустой. Открывай.

Щёлкнул замок.

Тавр вытаращился.

— Это нечестно.

— Зато работает.

Дверь распахнулась в комнату, где пыль лежала ровным серым покрывалом на мебели, подоконниках и полу. Но это была хорошая комната. Просторная. С тремя узкими окнами, выходящими на тёмный лес и двор северного крыла. У стены стояли две широкие лавки, старый шкаф, круглый стол с потрескавшейся столешницей и высокий очаг из белого камня.

Пустой.

Холодный.

Но над ним был вырезан тот же полумесяц.

Эль заглянул из-за Мираны.

— Здесь светло.

— Значит, подойдёт.

— Тут никто не спал, — сказал Тавр. — Давно.

— Тогда начнём с уборки.

Трое детей посмотрели на меня как на человека, который

предложил сражаться с бурей голыми руками.

— Сейчас? — спросила Мирана.

— А что? У нас есть планы лучше? Например, сидеть в тайной комнате и ждать, кто первым попробует нас забрать?

Она отвела взгляд.

Я тут же смягчилась.

— Не всю комнату. Только место у очага и стол. Нужно понять, есть ли здесь вода, кладовая, ткань, что угодно. Я не знаю этот дом. Вы знаете?

Дети переглянулись.

— Немного, — сказала Мирана.

— Тогда вы мне поможете. Не потому, что обязаны. Потому что это теперь наш вопрос выживания.

Тавр недоверчиво спросил:

— Наш?

— Твой, Мираны, Эля и мой. Пока кто-то хочет вас спрятать или забрать, я тоже в этом списке.

— Вы можете уйти, — сказал он.

Я посмотрела на окна. За ними луна уже сползала к верхушкам чёрных елей. Ночь казалась бесконечной, но в ней впервые появился смысл. Странно: ещё час назад я думала, что потеряла всё. Теперь у меня были трое детей, дом с характером и, вероятно, враги, которые совсем не собирались ждать утра.

— Могу, — сказала я. — Но не хочу.

Тавр мотнул головой, будто такой ответ был неудобен.

Мы начали с очага.

Я ожидала, что дети будут держаться в стороне, но Мирана первой подошла к старому шкафу и вытащила оттуда сложенные серые полотна. Тавр нашёл за дверью метлу с короткой ручкой и понёс её так, словно это было оружие. Эль остался у стены, но смотрел внимательно. Очень внимательно.

— Эль, — сказала я, — хочешь отвечать за свет?

Он испуганно моргнул.

— Я не умею.

— Я тоже. Будем учиться.

Я показала на люстру за дверью, где горели шесть серебряных огней.

— Когда дом зажигает огоньки, ты первый замечаешь. Если станет темнее, скажешь мне.

Он кивнул так серьёзно, будто я поручила ему охрану всего крыла.

Мирана вытирала стол, не поднимая глаз.

— Вы всё время даёте задания.

— Это плохо?

— Так делают хозяйки.

Я остановилась.

Слово прозвучало тихо, но дом услышал.

По стенам прошёл едва заметный шёпот. Не голос. Скорее движение дерева, камня и старой памяти. Полумесяц над очагом вдруг проступил ярче, будто кто-то провёл по нему

влажной тряпкой, хотя мы ещё не успели дотронуться.

Тавр попятился.

— Мира!

— Тихо, — сказала девочка, но сама побледнела.

Я подошла к очагу.

Внутри не было ничего, что могло бы гореть. Только белые камни и пепел, которому, казалось, было столько же лет, сколько этому крылу. Но когда я протянула руку, холод не ударил по пальцам. Наоборот, от камня потянуло слабым теплом.

— Что нужно сделать? — спросила я.

Мирана медленно покачала головой.

— Я не знаю.

— Но ты что-то знаешь.

Она сжала тряпку в руке.

— Нам говорили, что очаг открывается только хозяйке.

— Кто говорил?

Молчание.

Тавр перестал мести. Эль уставился в пол.

Опять стена.

Я не стала ломать её.

— Хорошо. Очаг, — сказала я, чувствуя себя нелепо, но после разговора с дверями это уже не было худшим событием ночи, — я не знаю, хозяйка я или случайная женщина после очень неудачного развода. Но дети замёрзли. Дом пустовал слишком долго. Если ты можешь дать тепло — дай.

Не мне. Им.

Ничего не произошло.

Я уже решила, что выгляжу полной идиоткой, когда Эль вдруг сделал маленький шаг.

— Надо имя, — прошептал он.

Мирана резко повернулась:

— Нет.

— Надо, — упрямо повторил он. — Она не знает.

— Эль, молчи.

— Она не отдала нас.

Мирана зажмурилась, словно эти слова ударили сильнее крика.

Эль подошёл к очагу, держась так близко к стене, будто в любой момент готов был спрятаться. Он поднял своё маленькое запястье, и серебряная метка дрогнула светом.

— У каждого дома есть имя, — сказал он. — Не то, которым его называют взрослые. Настоящее.

Я присела рядом.

— Ты знаешь имя этого дома?

Он кивнул.

— Знаю. Но если сказать, дом услышит.

— А это плохо?

— Если вы плохая — плохо для нас. Если хорошая — плохо для тех, кто придёт.

Тавр буркнул:

— Она не хорошая. Она просто злая на них.

— Иногда это неплохое начало, — ответила я.

Мирана вдруг подошла и встала между Элем и очагом.

— Не говори.

— Почему?

Она смотрела на меня уже не как ребёнок, а как судья.

— Потому что если дом выберет вас, вы сможете открыть все комнаты. И тогда найдёте всё.

— Что всё?

— То, что взрослые спрятали.

Голос её дрогнул на последнем слове.

Вот теперь я понимала, почему они боялись не только врагов, но и спасения. Некоторые тайны, когда выходят наружу, рушат не стены. Людей.

— Мирана, — сказала я впервые её полное имя, хотя она мне его не называла. Она вздрогнула, но не отступила. — Я не обещаю, что не стану искать. Стану. Потому что иначе не смогу защитить вас. Но обещаю другое: я не буду использовать найденное против вас.

— Так все говорят.

— Да. Поэтому верить не надо. Смотри, что я делаю.

Она долго молчала.

Потом опустила глаза на моё запястье, где треснувший браслет уже почти не был браслетом. Металл стал тоньше, а полумесяц под кожей светился слабым серебром.

— Если дом выберет, назад не отдаст, — сказала она.

Я усмехнулась.

— Звучит как мой сегодняшний развод, только наоборот.

Мирана не поняла шутки. Или не захотела понять.

— Он будет считать вас своей.

Я посмотрела на старые стены, на очаг, на детей, на дверь, которая открылась не от просьбы, а от права. “Своей” после того, как меня вычеркнули из чужого дома, звучало опасно. И странно тепло.

— Пусть сначала даст детям место у огня, — сказала я. — Потом обсудим наши отношения.

Эль поднял лицо.

— Его имя — Лунор.

При последнем звуке дом вздохнул.

Не скрипнул. Не щёлкнул.

Вздохнул.

Серебряные линии вспыхнули на полу, разбегаясь от очага кругами. Пыль поднялась лёгкой дымкой, но не удушливой, а будто её просто сдули невидимые ладони. Полумесяц над очагом засиял. Внутри белого камня возникло серебристое свечение — не пламя, не огонь, ничего похожего на обычное горение, а ровный лунный свет, от которого комната сразу стала тёплой.

Эль ахнул.

Тавр отступил на шаг и всё-таки прикрыл собой младшего, даже когда сам смотрел во все глаза.

Мирана стояла неподвижно.

А я почувствовала, как треснувший браслет на моём за-

пястье рассыпался.

Без боли.

Просто тонкое металлическое кольцо превратилось в серую пыль и упало на пол. Под ним остался знак: полумесяц, обвитый веткой, теперь ясно видимый на коже. Не клеймо. Не украшение. Ответ.

Стены комнаты ожили.

Сначала проявились тонкие узоры вокруг двери. Потом на потолке проступили ветви, между которыми бежали маленькие волчьи тени. На шкафу щёлкнул замок. Окна очистились от мутной пелены. Где-то рядом одна за другой открылись двери — не резко, а осторожно, как будто дом сам проверял, можно ли снова дышать.

Мирана прошептала:

— Он выбрал.

Я хотела сказать что-то умное. Что-то достойное момента, когда древний родовой дом признаёт тебя хозяйкой после развода с альфой.

Вместо этого я спросила:

— В шкафу есть одеяла?

Тавр моргнул.

Эль снова тихо засмеялся.

И именно этот смех почему-то оказался важнее всех сияющих знаков.

В шкафу действительно нашлись одеяла. Старые, тяжёлые, серые, но чистые, будто дом хранил их в отдельной ти-

шине. Нашлись рубахи детских размеров, стопка мягких полотен, деревянные чашки, свечи без фитилей — я не стала расспрашивать, как они работают, и большая корзина с сушёными яблоками.

При виде яблок Тавр сделал вид, что ему всё равно.

Так не смотрят на еду те, кому всё равно.

Я поставила корзину на стол и отступила.

— Берите.

Никто не двинулся.

— Это не проверка.

Тавр сглотнул.

Мирана смотрела на яблоки так, будто те могли предать.

— Сначала Эль, — сказала она.

Малыш неуверенно взял один ломтик, понюхал и посмотрел на меня.

— Можно?

Вопрос был таким маленьким, что я едва не сорвалась.

Не на слёзы. На ярость.

Кто довёл ребёнка до того, что он спрашивает разрешения взять еду в доме, где его прятали?

— Можно, — сказала я. — Здесь, если еда стоит на столе для всех, её не надо заслуживать.

Эль положил ломтик в рот и зажмурился.

Тавр выдержал ещё три секунды. Потом схватил сразу два и отвернулся, будто никто не заметил. Мирана взяла последней. Не для себя — сначала положила ещё один Элю, потом

Тавру, и только после этого съела маленький кусочек.

Старшая.

Всегда последняя.

Я знала таких детей. Не из книг. Из жизни, где девочки слишком рано становятся взрослыми, потому что рядом нет никого, кто бы сказал: “Теперь моя очередь заботиться”.

Я села напротив и стала смотреть не на них, а в окно, давая им возможность есть без моего внимания. За стеклом двор северного крыла постепенно проявлялся из темноты. Я увидела заросший колодец, каменную дорожку, сломанную скамью, высохшие кусты вдоль стены и маленькую круглую площадку, наполовину скрытую снегом или белым мхом. Мир за окном был чужим, но уже не казался декорацией. Он требовал решений.

— Нам нужен список, — сказала я.

Тавр замер с ломтиком у рта.

— Какой список?

— Что в доме есть. Где опасно. Кто может войти. Какие двери открываются. Где можно спрятаться, если придут снова. Где вы спали. Что вам нельзя делать из-за меток. И кто знает о вашем существовании.

Мирана положила яблоко на стол.

— Никто не знает.

— Кто-то знает. Иначе вас бы здесь не было.

Она побледнела.

— Никто из тех, кто должен.

— Так точнее.

Тавр нахмурился.

— Вы всё выворачиваете.

— Я пытаюсь думать.

— Взрослые, когда думают, потом кого-нибудь отдают.

— А дети, когда молчат, остаются одни.

Он вскочил.

Стул заскрипел по полу.

— Мы не одни!

Эль испугался и втянул голову в плечи. Мирана схватила Тавра за рукав, но он вырвался.

— Мы не просили вас приходить! Не просили открывать дверь! Не просили быть Луной! Вы завтра устанете и уйдёте, как все. Или испугаетесь альфы. Или Велены. Или стариков. А потом они скажут, что мы сами виноваты, потому что поверили!

Голос у него сорвался на последнем слове.

Я не перебивала.

Пусть злится.

Злость хотя бы держит на ногах, когда страх подкашивает.

— Тавр, — сказала Мирана тихо.

— Нет! — он развернулся к ней. — Ты опять скажешь молчать. А я не хочу молчать! Она спрашивает, кто знает. Пусть знает: они приходили. Они все приходили. Смотрели, считали, шептались за дверью. А потом говорили, что альфа решит. Альфа всегда решит. Только он даже не знал! Он там

сидел в своём большом зале, а мы здесь… здесь…

Он резко замолчал.

Плечи его вздрагивали, но слёз не было. Он слишком хорошо научился не отдавать их тем, кто смотрит.

Я встала и медленно подошла ближе. Не вплотную. Достаточно, чтобы он мог отступить.

— Ты прав, — сказала я.

Тавр вскинул голову.

— Что?

— Ты прав. Я могу испугаться. Могу ошибиться. Могу не знать, что делать. Я здесь чужая во всём, кроме собственного имени. Я не буду обещать, что завтра стану мудрой и сильной хозяйкой, которая всех победит. Это было бы враньё.

Мирана смотрела напряжённо.

Эль почти не дышал.

— Но я могу пообещать одно, — продолжила я. — Если мне станет страшно, я скажу, что мне страшно. Если не буду знать, что делать, признаю это. Если захочу уйти, скажу до того, как сделаю шаг к двери. И пока я здесь, никто не заберёт вас молча, тайком, ночью и без ответа.

Тавр шмыгнул носом и отвернулся.

— Красиво говорите.

— Я после брачного суда. Там быстро учишься.

Он не улыбнулся. Но сел обратно.

Это тоже была победа.

Маленькая.

Настоящая.

Мы составили список не на бумаге — бумаги я не нашла, а дети не предложили, — а словами. Мирана говорила мало, но точно. Северное крыло имело три этажа и старую нижнюю галерею, куда детям нельзя было ходить одним. Главные двери слушались только того, кого дом признавал. Боковой ход вёл к саду, но давно не открывался. На втором этаже было пять спящих комнат, одна детская зала и узкая лестница к башне. На первом — холл, круглая столовая, очаговый зал и закрытая дверь с волчьей мордой.

— Что за дверь? — спросила я.

— Архив, — сказала Мирана.

— Родовые книги?

Она кивнула.

— Вы говорили, что ваших имён нет в книгах стаи.

Тавр нахмурился.

— Мы не говорили.

— Нет. Это я поняла.

— Откуда?

Я посмотрела на их запястья.

— Если бы ваши имена были в книгах, вас бы не держали за стеной. Вас бы либо признали, либо наказали официально. А вас спрятали. Значит, вы неудобные.

Мирана побледнела, но не отвела взгляда.

— Мы не сироты.

— Я уже поняла.

— И не слуги.

— Тем более.

Тавр поднял подбородок.

— Мы Морр.

Комната стала тише.

Даже дом будто прислушался.

Я медленно выдохнула.

Вот оно.

Не просто дети в северном крыле. Не просто волчата, которых кто-то спрятал от альфы. Дети рода Морр. С метками крови на руках.

— Все трое? — спросила я.

Мирана тут же сказала:

— Нет.

Слишком быстро.

Тавр резко повернулся к ней.

— Мира!

Она сжала кулаки.

— Молчи.

— Но она должна знать!

— Она ничего не должна!

Эль сполз со стула и спрятался под стол, обхватив колени руками.

Спор оборвался.

И Мирана, и Тавр сразу замолчали, словно их злость разбилась о младшего.

Я опустилась рядом со столом, но не полезла к Элю.

— Эль, я здесь.

Он не ответил.

— Никто сейчас не будет спорить. Правда?

Я посмотрела на старших.

Тавр буркнул:

— Правда.

Мирана кивнула.

Из-под стола донеслось тихое:

— Когда спорят, потом приходят.

— Кто приходит?

Мирана закрыла глаза.

Тавр уставился в стену.

Эль не ответил.

Я почувствовала, как внутри поднимается холодная, очень спокойная злость. Не взрывная. Та, которая не кричит, а запоминает лица, слова, шаги и двери.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда у нас будет правило. В этом доме можно спорить. Можно злиться. Можно говорить “нет”. И за это никто не приходит.

Тавр посмотрел на меня с недоверием.

— А если громко?

— Если очень громко, я попрошу тише. Но не отдам.

Эль выглянул из-под стола.

— Правда?

— Правда.

Он выбрался не сразу. Сначала протянул руку к Миране. Она взяла её, помогла ему встать и усадила рядом с собой.

После этого дети больше не спорили. Но молчание стало другим. В нём появилась не только защита, но и усталость.

Лунный свет в очаге держался ровно. Комната согрелась. На окнах отступила мутная пелена, и я увидела первые серые полосы рассвета. Ночь уходила. Значит, скоро о моём существовании вспомнят снова.

А может, уже вспомнили.

Именно в этот момент внизу раздался удар.

Не в дверь.

В металл.

Глухой, властный, требовательный.

Дети застыли.

Тавр мгновенно вскочил и прикрыл Эля. Мирана схватила серое одеяло, будто оно могло стать щитом.

Второй удар был сильнее.

Потом голос.

Низкий.

Холодный.

Знакомый до болезненной судороги в груди.

— Лира. Открой.

Райнард.

Он пришёл.

Не прислал стражей. Не передал приказ через Кердана. Пришёл сам.

Я закрыла глаза на один удар сердца.

Тело Лиры отреагировало прежде, чем я успела приказать себе спокойствие. Память подняла слишком много: ожидание его шагов, страх его молчания, глупую надежду на один нормальный разговор. Но теперь поверх этой памяти стояли трое детей, и всё стало проще.

Не легче.

Проще.

— В тайную комнату, — сказала я тихо.

Мирана побледнела.

— Он почувствует.

— Что именно?

— Кровь.

Тавр сжал зубы.

— Особенно Эля.

Эль беззвучно заплакал. Не слезами — лицом. Просто весь его маленький мир снова складывался в одну мысль: сейчас найдут.

Я подошла к двери комнаты и положила ладонь на косяк.

— Лунор, — сказала я почти беззвучно. — Ты выбрал меня? Тогда помоги.

Дом ответил сразу.

В дальней стене открылась не та панель, через которую мы пришли, а другая — широкая, ведущая в светлую нишу с мягкими серыми покрывалами и низким потолком. Не ловушка. Убежище. Такое место, куда ребёнок мог заползти и

не чувствовать себя похороненным.

Мирана ахнула.

— Детская нора…

— Туда, — сказала я.

— Вы не знаете, как закрыть.

— Дом знает.

Тавр схватил Эля на руки, хотя сам был ненамного больше, и первым метнулся к нише. Мирана задержалась.

— Не говорите ему.

— Не скажу, пока не пойму, кому можно говорить.

— Никому нельзя.

— Возможно.

Она шагнула ближе, и впервые в её взгляде была не только осторожность.

— Если он увидит метки, всё закончится.

— Что закончится?

Мирана прошептала:

— Мы.

И скрылась в нише.

Панель закрылась.

На стене остался только рисунок ветки.

Я выпрямилась и на секунду прижалась лбом к прохладному дереву.

— Дыши, Лира, — сказала я себе. — Просто дыши.

Третий удар снизу.

— Лира!

Теперь в голосе Райнарда было не только раздражение. Там звучало что-то ещё. Тревога? Злость? Подозрение?

Я спустилась по лестнице.

Дом больше не был прежним. В холле горели серебряные огни. Пыль отступила с середины пола, открывая мозаичный круг. Волчица на нём больше не казалась мёртвой — её глаза слабо светились. Вдоль стен проступили узоры, которых ночью не было. Северное крыло просыпалось, и скрыть это было невозможно.

У дверей стоял Райнард.

Не один.

Сквозь серебряные прожилки створок я видела тёмные силуэты воинов. Трое? Нет, четверо. За ними, чуть в стороне, Кердан. Его я узнала по развороту плеч: человек, который не хочет быть здесь, но приказ сильнее совести.

Я остановилась перед дверью.

— Ты быстро соскучился.

Пауза.

— Открой.

— Мы это уже проходили. Здесь теперь принято называть причину визита.

— Ты не явилась к утреннему подтверждению владения.

Я посмотрела на рассветное небо за высоким окном.

— Меня развели ночью, отдали заброшенное крыло и пытались вломиться сюда до рассвета. Удивительно, что я не проснулась вовремя для очередного унижения.

— Открой, Лира.

— Зачем?

Пауза стала длиннее.

— Мне нужно увидеть, что с домом.

Я невольно усмехнулась.

— С домом? Не со мной?

— Ты отвечаешь. Значит, жива.

Слова были грубыми.

Но за ними что-то стояло.

Может, он и правда не умел иначе. Может, Лира годами принимала такие обрубки за заботу, потому что других не получала. Но я не Лира, которая ждала крошки.

— Какое облегчение для бывшего мужа.

За дверью кто-то из воинов шумно втянул воздух. Райнард молчал.

Потом сказал тише:

— Ночью у северного крыла сработала защитная печать. Старая. Та, которая не должна была проснуться.

Я посмотрела на мозаичный круг.

— И ты решил, что я её сломала?

— Я решил, что хочу понять, почему мёртвое крыло вдруг ответило тебе.

— Может, оно не мёртвое.

— Лира.

— Райнард.

Его имя на моих губах изменило воздух. Даже через дверь

я почувствовала, как он напрягся. В этом мире имена, кажется, значили больше, чем просто обращение.

— Открой, — сказал он уже не приказом. Почти просьбой, хотя гордость ещё держала каждую букву за горло. — Я войду один.

Воины за его спиной зашевелились.

— Альфа, — начал кто-то.

— Один, — повторил Райнард, не оборачиваясь.

Я не спешила.

Впустить его было опасно.

Не впустить — тоже.

Если он альфа, хозяин основного замка, мужчина, который только что расторг брак при всей стае, он мог решить, что я скрываю что-то ценное. А я скрывала. Только не вещь. Троих детей с его родовыми знаками.

Мирана сказала: если он увидит метки, всё закончится.

Но Эль сказал другое: он не знает, что мы живы.

Я должна была понять, какой из этих страхов правдивее.

— Лунор, — прошептала я, почти не двигая губами. — Если нельзя, не открывай.

Положила ладонь на створку.

Замок щёлкнул.

Вот и ответ.

Дом разрешил.

Я открыла дверь ровно настолько, чтобы вошёл один человек.

Райнард стоял на пороге в тёмном дорожном плаще, хотя никакой дороги между крыльями замка не было. На лице — следы бессонной ночи, которые не делали его слабее, только опаснее. Волосы на висках чуть влажные от утреннего тумана. Глаза — те самые, зимние, властные, но сейчас в них было не только раздражение.

Он посмотрел на меня.

На пустое место на платье, где раньше был знак Морр. На моё запястье. На светящийся полумесяц под кожей.

Его лицо изменилось.

Едва заметно.

Но я увидела.

— Браслет? — спросил он.

— Не выдержал развода.

— Это не шутка.

— Я тоже.

Он вошёл.

Дверь сама закрылась у него за спиной, отрезая воинов.

Райнард резко обернулся, но створки уже сомкнулись. Серебряные линии вспыхнули и погасли.

— Дом не любит толпу, — сказала я.

— Дом не должен решать, кого впускать.

— А кто должен? Ты?

Он посмотрел на меня.

— Ещё вчера — да.

— А сегодня?

В его челюсти дёрнулся мускул.

— Сегодня я пытаюсь понять, что происходит.

— Поздравляю. Нас уже двое.

Он прошёл в холл медленно, как человек, входящий не в бывшее владение, а в место, где правила могут оказаться старше его власти. Его взгляд цеплялся за огни, очищенный мозаичный круг, проявившиеся узоры на стенах. Когда он увидел глаза волчицы на полу, в его лице снова мелькнула тень.

— Этого не было, — сказал он.

— Ночью много чего не было.

— Ты открыла очаг?

— Какой именно?

Он резко повернулся ко мне.

Промахнулась. Или наоборот — попала.

— Сколько их проснулось?

— Райнард, ты пришёл задавать вопросы или отвечать на них?

— Я альфа этой стаи.

— А я хозяйка этого крыла. Так сказал ваш суд. При вашей луне. При твоём согласии.

Он шагнул ближе.

Тело Лиры вспомнило этот шаг и почти отступило.

Я заставила себя остаться на месте.

Райнард заметил.

Конечно, заметил.

— Ты боишься меня, — сказал он.

Я усмехнулась, хотя горло сжалось.

— Не льсти себе. Сегодня у меня богатый выбор причин для страха.

— Раньше ты не говорила так.

— Раньше мне казалось, что молчание что-то спасает.

— И что изменилось?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Оказалось, молчание спасает только тех, кто пользуется чужой тишиной.

Он не ответил.

Не сразу.

За этим молчанием я вдруг увидела не только альфу. Мужчину, который привык, что мир вокруг него устроен из докладов, приказов и чужих выводов. Ему говорили: Лира слаба. Он верил. Говорили: Лира не хочет участвовать. Он соглашался. Говорили: северное крыло пусто. Он не проверял.

Но незнание не делало его невиновным.

Просто вина становилась сложнее.

— Кто приходил ночью? — спросил он.

— Разве не ты прислал?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

Слишком быстро, чтобы быть придуманным.

— Тогда кто имеет право отдавать приказы твоим стра-

жам от имени дома Морр?

Лицо Райнарда потемнело.

— Кто был?

— Кердан. И ещё один. Сказали: приказ дома Морр. Осмотреть помещение.

— Ты впустила?

— Как видишь, я пережила ночь без мужской проверки.

В его взгляде мелькнуло раздражение.

— Лира.

— Что? Опять не начинай?

Он сжал губы.

И вдруг сказал:

— Я не приказывал.

Впервые в его голосе не было защиты гордости. Только холодная, тяжёлая мысль, которая ему самому не нравилась.

— Значит, кто-то очень хотел попасть сюда до тебя, — сказала я.

Он медленно оглядел холл.

— Что ты нашла?

Вот он, вопрос.

Слишком рано.

Слишком прямо.

Сердце ударило сильнее, но я не позволила взгляду метнуться к лестнице. В таких сценах выдают не слова. Выдаёт тело.

— Пыль, холод, старые портреты и дом с отвратительным

характером.

— Я спрашиваю не об этом.

— А я отвечаю ровно настолько, насколько доверяю бывшему мужу, который ночью развёлся со мной, а утром пришёл требовать отчёт.

Он сделал шаг назад, будто я ударила.

Всего на полшага.

Но удар попал.

— Ты имеешь право злиться, — сказал он.

— Как щедро.

— Но если северное крыло проснулось, это касается всей стаи.

— Вчера я тоже касалась всей стаи. Как Луна. Ты помнишь, чем это закончилось?

Он отвёл взгляд первым.

Нет, не отвёл — посмотрел на мозаичный круг. Но я всё равно заметила.

— Я не пришёл продолжать суд.

— Тогда зачем?

Он молчал.

Вместо ответа подошёл к лестнице. Я тут же двинулась следом.

— Не ходи наверх.

Он остановился.

Медленно повернул голову.

— Почему?

— Потому что я не разрешаю.

— Ты что-то скрываешь.

— Конечно. Гордость, остатки здравого смысла и желание вытолкать тебя за дверь.

Его ноздри едва заметно дрогнули.

И я поняла.

Запах.

Оборотень.

Он чувствовал не только пыль и камень. Он мог почувствовать детей. Их страх. Их кровь. Их присутствие.

Я опоздала.

Райнард вдруг застыл.

Вся его человеческая неподвижность сменилась другой — звериной. Так замирает хищник, услышавший слабый звук под снегом.

Он медленно поднял голову к лестнице.

— Здесь кто-то есть.

Моё сердце рухнуло вниз.

— Я здесь.

— Не ты.

Он шагнул к первой ступени.

Я встала перед ним.

— Нет.

Его взгляд вернулся ко мне. Теперь в нём было золото. Больше золота, чем серого.

— Отойди.

— Нет.

— Лира, я чувствую…

Он оборвал фразу.

Слишком поздно.

Сверху донёсся звук.

Не шаг.

Не плач.

Маленькое, испуганное рычание.

Тавр.

Райнард побледнел.

Я не думала, что такой мужчина может побледнеть. Но он побледнел так резко, будто этот звук вытащил из него кровь.

— Кто там? — спросил он.

Голос стал другим.

Ни приказа. Ни раздражения.

Только шок.

Я поднялась на ступень выше, заслоняя проход.

— Сначала ответь мне. Ты правда не знал?

— О ком?

Он смотрел поверх моего плеча.

— Райнард.

Он перевёл взгляд на меня с трудом.

— О ком, Лира?

Сверху послышался шорох.

Панель в детской комнате, вероятно, не выдержала детского страха или детского любопытства. Или дом сам решил,

что прятаться больше нельзя.

На верхней площадке появилась Мирана.

Она стояла босая, в сером одеяле поверх грязного платья, с поднятым подбородком и лицом маленькой королевы, которая вышла на казнь, но не собирается просить пощады.

Райнард замер.

Мирана не смотрела на него как на незнакомца.

Она смотрела как на человека из страшных рассказов, который внезапно стал настоящим.

За её спиной показался Тавр. Он держал Эля за руку, но было видно, что сам готов броситься вперёд, если альфа сделает хоть шаг. Эль почти полностью прятался за ним.

Серебряные метки на детских запястьях вспыхнули одна за другой.

Райнард сделал вдох.

И не смог выдохнуть.

Я смотрела на него не моргая.

Если он сейчас потянется к детям как хозяин, как альфа, как мужчина, который считает, что всё в этом доме принадлежит ему, я встану между ними. Пусть у меня нет клыков. Пусть я не знаю их законов. Пусть дом выбрал меня только ночью и, возможно, завтра передумает.

Я всё равно встану.

Но Райнард не двинулся.

Он смотрел на метки.

На Миранину руку. На знак волчицы и трёх лучей.

На Тавра. На скрещённые следы.

На Эля. На маленькую звезду в полумесяце.

Его лицо становилось всё более чужим — не холодным, а разрушенным.

— Нет, — сказал он едва слышно.

Мирана вцепилась в край одеяла.

— Не подходите.

Райнард вздрогнул.

Словно не от приказа. От её голоса.

— Кто вы? — спросил он.

Тавр тут же оскалился.

— А вы не знаете?

Вопрос ударил сильнее, чем обвинение.

Райнард поднялся на одну ступень.

Я шагнула ему навстречу и положила ладонь на перила, преграждая путь.

— Я сказала: не выше.

Он даже не посмотрел на меня.

— Эти метки принадлежат роду Морр.

— Да.

— Это невозможно.

— Отличное начало разговора с детьми.

Теперь он посмотрел.

В его взгляде было столько ярости, что слабая прежняя Лира, наверное, замолчала бы навсегда.

Я не замолчала.

— Они боятся тебя, Райнард.

Он медленно перевёл взгляд на детей.

Эль сразу спрятался за Тавра.

И вот это, кажется, добило его сильнее всего.

Не мои слова. Не метки. Не тайная комната.

Маленький ребёнок с его родовым знаком испугался его взгляда.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он.

Тавр зло рассмеялся.

— Взрослые всегда так говорят.

Я услышала в его голосе повторение первой фразы Мираны, и сердце сжалось.

Райнард тоже услышал. Не смысл повторения, конечно. А стену, в которую упёрся.

— Как вас зовут? — спросил он.

Мирана молчала.

Тавр молчал.

Эль смотрел в пол.

Я поняла, что сейчас нельзя позволить ему давить. Даже тихо. Даже аккуратно. Альфа привык получать ответ, но дети привыкли платить за каждый ответ слишком дорого.

— Хватит, — сказала я. — Они скажут, когда будут готовы.

— Лира, ты не понимаешь…

— Нет, это ты не понимаешь. Они провели неизвестно сколько времени в стене дома, который ты называл пустым.

Ночью кто-то пытался сюда войти до тебя. Они уверены, что, если ты увидишь их метки, всё закончится. И сейчас ты не будешь стоять на лестнице и смотреть на них так, будто они чья-то ошибка в родовой книге.

Его лицо исказилось.

— Я так не смотрю.

— Тогда следи за лицом.

Тавр тихо хмыкнул.

Мирана бросила на него предупреждающий взгляд, но напряжение на верхней площадке чуть дрогнуло.

Райнард опустил голову.

Не в поклоне.

Нет.

Такой мужчина не склонялся легко.

Но он заставил себя сделать шаг назад.

Потом ещё один.

Спустился с первой ступени и встал внизу, оставив между собой и детьми расстояние.

— Хорошо, — сказал он глухо. — Я останусь здесь.

Мирана смотрела недоверчиво.

Эль прошептал:

— Он злится.

Райнард услышал. Я видела.

— Да, — сказал он.

Эль вздрогнул.

Райнард закрыл глаза на секунду, словно каждое слово да-

валось с боем.

— Но не на вас.

— На кого? — спросил Тавр.

Райнард открыл глаза.

— Пока не знаю.

Ответ был честным.

И страшным.

Потому что если альфа не знал, на кого злится, значит, вокруг него годами росла ложь, а он только сейчас увидел её первые корни.

Я повернулась к детям.

— Возвращайтесь в комнату. Я поговорю с ним здесь.

— Нет, — сказала Мирана.

— Мирана…

Она вздрогнула от своего имени.

Райнард тоже.

Он повторил почти беззвучно:

— Мирана.

Девочка побледнела.

— Не называйте меня.

В его взгляде что-то вспыхнуло. Узнавание? Память? Боль?

— Откуда у тебя это имя?

— Мне его дали.

— Кто?

Она сжала губы.

— Не вы.

Райнард стоял неподвижно, но я чувствовала, как вокруг него сгущается сила. Не направленная на нас. Просто он едва удерживал себя в человеческих рамках.

— У моей сестры, — сказал он медленно, — была дочь. Она погибла при рождении. Так мне сказали.

Мирана отшатнулась.

Тавр схватил её за руку.

Эль снова тихо заплакал, но без звука.

Вот она.

Первая трещина в настоящей стене.

Я повернулась к Райнарду.

— Кто сказал?

Он не ответил сразу.

А потом произнёс имя, которое я уже ждала услышать, но всё равно почувствовала холод.

— Совет.

Внизу, за закрытыми дверями, кто-то ударил в створку кулаком.

— Альфа! — крикнул Кердан. — К северному крылу идёт леди Велена!

Все замерли.

Мирана побелела до синевы.

Тавр выругался каким-то детским, но явно запрещённым словом.

Эль вцепился в его руку обеими ладонями.

Райнард медленно повернул голову к двери.

Его лицо стало таким, каким я видела его в брачном зале: холодным, властным, опасным. Но теперь этот холод впервые не был направлен на меня.

— Велена? — спросил он тихо.

Я увидела страх детей.

Увидела, как серебряные метки вспыхнули ярче, будто отозвались на имя.

И поняла: вот кого они боялись по-настоящему.

Не альфу.

Ту, кто умела действовать его именем.

— Райнард, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Если ты сейчас хочешь доказать, что не знал, — произнесла я тихо, — начни с простого. Не дай ей войти.

За дверью раздались быстрые шаги, женский голос, мягкий и недовольный:

— Райнард? Почему двери закрыты? Мне сказали, ты здесь.

Эль прошептал:

— Она пришла за нами.

Райнард услышал.

Медленно, очень медленно он развернулся к главным дверям. Его плечи расправились. В нём снова проснулся альфа — не муж, не обвинитель, не мужчина, который слишком поздно понял, что в его доме прятали детей. Альфа.

— Наверх, — сказал он, не оборачиваясь. — Все.

Я не сдвинулась.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Не приказ тебе. Ей я должен открыть сам.

— А если я не хочу оставлять тебя одного с ней в моём доме?

На секунду в его глазах мелькнуло что-то почти живое. Не улыбка. Не тепло. Но странное, горькое понимание.

— Тогда стой рядом, хозяйка северного крыла.

Слово “хозяйка” прошло по дому серебряным шорохом.

Дети исчезли в верхнем коридоре, но не полностью. Я знала: они будут слушать.

Райнард подошёл к дверям.

Я встала рядом, чуть позади, но так, чтобы видеть лицо Велены, когда створки откроются.

Дом не сопротивлялся.

Серебряные линии погасли, замок щёлкнул, и двери распахнулись.

На пороге стояла Велена.

Идеальная, светлая, свежая, словно ночь не коснулась её ни одним тревожным пальцем. За её спиной — Кердан, ещё двое стражей и сухой старейшина Градор. Значит, пришла она не случайно. И не одна.

Её взгляд сначала скользнул по Райнарду.

Потом по мне.

Потом по ожившему холлу.

И на мгновение её красота стала пустой.

Она увидела огни. Мозаику. светящиеся линии на стенах. Поняла, что дом проснулся. И поняла, что проснулся он не для неё.

— Райнард, — сказала она мягко. — Тебе не стоило входить сюда без Совета. Это крыло опасно.

— Для кого? — спросил он.

Она замерла.

Вопрос был произнесён спокойно, но воздух вокруг него стал острым.

— Для всех, — ответила Велена после крошечной паузы. — Особенно для Лиры. Она не понимает, с чем столкнулась.

— А ты понимаешь?

Её улыбка не дрогнула.

— Я знаю достаточно, чтобы тревожиться.

— Когда ты отправила сюда людей ночью, ты тоже тревожилась?

Кердан за её спиной опустил взгляд.

Градор резко вмешался:

— Альфа, сейчас не время для внутренних выяснений. Северное крыло пробудилось без обряда, без свидетелей, без разрешения Совета. Его нужно закрыть до проверки.

Я едва не рассмеялась.

— Какая у вас страсть всё закрывать.

Градор посмотрел на меня так, будто я была сорной травой между плитами.

— Бывшая супруга альфы не имеет права вмешиваться.

Дом ответил раньше меня.

По полу от мозаичного круга прошла серебряная линия и остановилась у моих ног. Потом поднялась по подолу испорченного платья тонкими светящимися ветвями. Не касаясь кожи. Не обжигая. Просто обозначая.

Градор побледнел.

Велена сжала пальцы.

Райнард посмотрел на линию, потом на меня.

— Похоже, дом не согласен, — сказала я.

— Лира, — Велена сделала шаг вперёд, голос стал тёплым, почти сочувственным, — ты пережила тяжёлую ночь. Никто не спорит. Но такие силы могут обмануть. Северное крыло всегда тянулось к обиженным женщинам. Оно даёт им иллюзию права, а потом забирает гораздо больше.

— Как удобно, — сказала я. — Когда женщина получает право, его сразу называют иллюзией.

Градор ударил посохом по камню.

— Довольно дерзости!

Сверху донёсся едва слышный шорох.

Все взрослые могли бы не заметить.

Но Велена заметила.

Её глаза метнулись вверх. Быстро. Почти незаметно.

Почти.

Я увидела.

Райнард увидел тоже.

— Здесь кто-то есть? — спросила Велена.

Слишком ровно.

Слишком быстро.

— Я, — сказала я.

— Кроме тебя.

— Дом. Пыль. Портреты. Очень плохие воспоминания. Выбирай.

Она не смотрела на меня. Её взгляд всё ещё был направлен к лестнице.

— Райнард, ты должен вывести Лиру отсюда. Сейчас. Если крыло проснулось, оно могло открыть старые комнаты. Там могут быть опасные вещи.

Слово “вещи” прозвучало почти безупречно.

Почти.

Но я уже знала, как она умеет называть живое неживым.

Райнард повернулся к ней всем корпусом.

— Какие комнаты, Велена?

— Я не хранитель архива.

— Но знаешь, что они есть.

— Все знают легенды.

— Сегодня ты второй раз отвечаешь мне этой фразой.

Её лицо стало чуть строже.

— Потому что это правда.

— Тогда скажи правду полностью.

Градор шагнул вперёд.

— Альфа, леди Велена не обязана отчитываться перед

бывшей супругой и стенами, которые неизвестно чем напитались за годы молчания.

Я подняла бровь.

— Какая трогательная забота о её нервах.

Градор вспыхнул.

— Ты забываешь своё место.

— Нет. Моё место отмечено на полу. Посмотрите внимательнее.

Серебряная линия у моих ног вспыхнула ярче.

Велена медленно перевела взгляд на меня. И я поняла: вот теперь она меня возненавидела по-настоящему.

Не за дерзость на суде.

Не за северное крыло.

А за то, что дом при свидетелях назвал меня своей.

— Райнард, — сказала она, уже не скрывая напряжения, — я прошу тебя как будущая Луна стаи. Не позволяй ей играть с тем, что может навредить роду.

Будущая Луна.

Слова повисли в холле, как тонкий нож.

Тело Лиры снова отозвалось болью. Но слабее. Гораздо слабее, чем ночью. Потому что между мной и этой болью уже стояли Мирана, Тавр и Эль.

Райнард посмотрел на Велену.

— Ты ещё не Луна.

Тишина после его слов была прекрасна.

Велена не изменилась в лице, но её пальцы на миг вцепи-

лись в ткань плаща.

Градор произнёс:

— Альфа…

— Молчать.

Одно слово.

И старейшина замолчал.

Вот так, значит. Он умел. Просто раньше не считал нужным.

Я запомнила и это.

Райнард подошёл к порогу так, чтобы Велена, Градор и стражи остались снаружи.

— Северное крыло передано Лире Вороновой по брачному закону при полной луне. До моего личного распоряжения никто не входит сюда без её разрешения.

Велена медленно моргнула.

— Ты доверяешь ей?

Райнард не сразу ответил.

Я даже не ждала хорошего ответа.

— Нет, — сказал он.

Спасибо за честность, альфа.

— Но сейчас я ещё меньше доверяю тем, кто ночью отдаёт приказы моим стражам от имени моего дома.

Кердан сглотнул.

Градор побагровел.

Велена побледнела всего на оттенок.

— Ты обвиняешь меня?

— Я задаю вопрос.

— При всех?

— При тех, кто пришёл с тобой.

Она сделала маленький вдох. Очень красивый. Очень оскорблённый. Читательницы в зале, если бы это был зал, наверняка должны были бы поверить в её невинность. Но я видела, как её взгляд снова метнулся к лестнице.

Она не искала опасные вещи.

Она считала, успеет ли.

— Я никого не отправляла, — сказала Велена.

Ложь прозвучала гладко.

Слишком гладко.

Дом отреагировал первым.

На мозаике под ногами волчицы вспыхнули три звезды.

Раз.

Два.

Три.

Велена посмотрела вниз.

И в её глазах на долю секунды мелькнул ужас.

Не страх перед домом.

Страх перед числом.

Три.

Райнард проследил за её взглядом.

Воздух между ними изменился.

— Велена, — сказал он очень тихо, — что ты знаешь о трёх звёздах северного крыла?

Она улыбнулась.

— Ровно то, что знают все. Старый знак старой Луны.

Наверху, за моей спиной, что-то тихо стукнуло.

Эль.

Я поняла ещё до того, как увидела, как напрягся Райнард.

Велена услышала тоже.

И на этот раз не сдержалась. Её взгляд вспыхнул торжеством — слишком быстрым, почти незаметным, но я увидела. Она поняла, что дети наверху. Может, не все подробности, но достаточно.

— Там кто-то есть, — сказала она.

Райнард не ответил.

Я тоже.

Градор резко поднял голову.

— В северном крыле запрещено скрывать членов стаи!

— Как быстро вы вспомнили законы, — сказала я. — Ночью что-то не спешили.

Велена шагнула к порогу.

— Лира, если ты из упрямства прячешь кого-то в старых комнатах, ты можешь погубить невиновных. Позволь мне подняться. Я умею обращаться с такими местами.

Райнард выставил руку.

Не коснулся её. Просто преградил путь.

— Нет.

Велена остановилась.

— Райнард.

— Ты не войдёшь.

Впервые её голос стал тоньше.

— Ты выбираешь её сторону?

Он повернул голову ко мне.

В его взгляде было много того, чему я пока не знала названия: подозрение, вина, ярость, страх, желание получить ответы и понимание, что ответы могут сломать его жизнь.

— Я выбираю сначала узнать правду, — сказал он.

И это было не обещание.

Но уже не предательство.

Велена отступила.

Красиво.

Плавно.

Так отступают люди, которые не проиграли, а перенесли удар на другое время.

— Тогда узнавай, — сказала она мягко. — Только помни, Райнард: некоторые тайны хоронят не из жестокости. Иногда их прячут, чтобы стая выжила.

Мирана наверху резко втянула воздух.

Я почувствовала это, как удар.

Велена услышала и улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Потом развернулась и пошла прочь. Градор задержался на миг, глядя на меня с ненавистью, но Райнард даже не повернул головы. Старейшина ушёл следом.

Кердан остался последним.

Он посмотрел на меня, открыл рот, будто хотел что-то сказать, но не решился. Потом поклонился Райнарду и тоже исчез за поворотом галереи.

Двери закрылись.

Дом запер их сам.

В холле остались только мы с Райнардом.

И трое детей наверху, которые больше не могли притворяться тенью.

Райнард стоял спиной ко мне.

Долго.

Потом сказал:

— Она знала.

Я не стала смягчать.

— Да.

Он сжал кулаки.

— И Градор.

— Скорее всего.

— Мои стражи выполняли чужие приказы.

— Тоже да.

Он резко повернулся.

— А ты знала об этом меньше часа и уже решила, что имеешь право скрывать от меня детей моей крови?

Я шагнула к нему.

— А ты не знал об этом годы и всё равно считаешь, что первое право твоё?

Слова столкнулись, как две открытые раны.

Райнард замер.

— Я альфа.

— Они дети.

— Они Морр.

— Они испуганы.

— Я должен знать, кто они!

— Сначала они должны перестать ждать, что их отдадут.

Он хотел ответить, но сверху прозвучал голос Мираны.

— Лира.

Мы оба подняли головы.

Девочка стояла на верхней площадке. Бледная, прямая, с Элем за спиной и Тавром рядом. На её запястье сияла метка рода Морр.

— Он должен увидеть книгу, — сказала она.

Райнард побледнел снова.

— Какую книгу?

Мирана посмотрела на меня.

Не на него.

На меня.

— Ту, где нас нет.

Дом ответил на её слова.

Внизу, слева от лестницы, с глухим стоном открылась дверь с волчьей мордой.

Архив.

Из темноты за дверью пахнуло пылью, старыми страницами и тайнами, которые слишком долго считали мёртвыми.

Райнард сделал шаг к архиву.

Я шагнула рядом.

Тавр сверху прошептал:

— Не ходите туда.

— Почему? — спросила я.

Ответил Эль.

Так тихо, что я едва услышала:

— Потому что там записано, кто должен исчезнуть следующим.

В эту же секунду, далеко за стенами северного крыла, Велена остановилась у поворота галереи. Я не могла видеть её, но если бы могла, увидела бы, как она сняла перчатку, коснулась тонкого серебряного перстня на пальце и сказала человеку в сером плаще, ожидавшему в тени:

— Они нашли детей. Значит, времени больше нет.

Мужчина склонил голову.

— Что прикажете, леди?

Велена посмотрела в сторону ожившего крыла. На её лице уже не было ни мягкости, ни обиды, ни красивой тревоги.

Только холодный расчёт.

— До полнолуния они должны исчезнуть из дома.

Глава 3. Проклятие серебряных ошейников

Дверь с волчьей мордой открылась так медленно, будто дом не просто впускал нас в архив, а решал, выдержим ли мы то, что там спрятано.

Из темноты пахнуло сухими страницами, холодным камнем и старой пылью. Не мёртвой — настороженной. Такой бывает пыль на вещах, к которым давно никто не прикасался не потому, что забыл, а потому что боялся.

Райнард сделал шаг первым.

Я тут же вытянула руку и остановила его.

— Нет.

Он посмотрел на мою ладонь, лежавшую поперёк его груди, потом на меня. Ещё вчера, наверное, одного такого взгляда хватило бы, чтобы прежняя Лира отдёрнула руку и попросила прощения.

Я не отдёрнула.

— Это мой дом, — сказала я. — И если кто-то войдёт первым, то я.

— Там может быть опасно.

— Ты вспомнил это до или после того, как хотел отправить меня сюда умирать от страха?

Он сжал челюсть.

— Я не отправлял тебя умирать.

— Просто развёлся, отдал мёртвое крыло и ушёл под руку с женщиной, которая, похоже, знала о детях больше тебя. Прости, я пока плохо различаю оттенки заботы.

Райнард резко вдохнул, но не ответил.

За моей спиной на лестнице стояли дети. Я чувствовала их, даже не оборачиваясь. Мирана молчала слишком ровно. Тавр дышал шумно, готовый в любую секунду сорваться вниз. Эль, кажется, почти прятался за ними, но не уходил. Он сказал про архив — и теперь сам боялся сказанного.

— Лира, — произнёс Райнард глухо, — если в этом архиве есть сведения о детях рода Морр, я обязан…

— Ты обязан сначала перестать говорить так, будто они записи в книге.

Его взгляд вспыхнул.

— Я не считаю их записями.

— Тогда не начинай разговор со слова “обязан”.

Мы стояли друг против друга у открытой двери архива. Между нами было всё: ночь развода, годы молчания прежней Лиры, трое испуганных волчат, оживший дом и женщина с ледяной улыбкой, которая только что попыталась попасть внутрь.

И ещё — странное, неудобное напряжение, которое я никак не могла вырвать с корнем. Тело помнило Райнарда иначе. Сердце Лиры слишком долго хотело, чтобы он повернулся к ней не как альфа, а как мужчина. Я не собиралась при-

нимать её мечты за свои, но чужая боль жила во мне вместе с её именем.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Я не сразу поняла.

— Что хорошо?

— Ты входишь первой. Я рядом. Дети остаются за пределами архива.

— Нет! — сразу сказал Тавр сверху.

Я обернулась.

Он уже спустился на несколько ступеней, сжав кулаки. Мирана стояла выше, белая как полотно, но смотрела прямо в тёмный проём архива. Эль держался за её руку и не поднимал глаз.

— Тавр, — тихо сказала Мирана.

— Нет, — упрямо повторил он. — Мы не останемся. Они там про нас писали. Не про неё. Не про него. Про нас.

Райнард заметно вздрогнул от этого “не про него”.

Не от обиды. Скорее от того, что ребёнок рода Морр говорил об альфе как о чужом.

— Тавр прав, — сказала я.

Райнард повернулся ко мне.

— Они напуганы.

— Поэтому их нельзя снова оставить за дверью, за которой решают их судьбу.

— Там могут быть родовые запреты.

— А здесь уже есть трое детей, которых этими запретами

держали в стене.

Он замолчал.

Я видела, как ему трудно. Не потому, что он вдруг стал мягким. Нет. Райнард Морр не был человеком, которому мягкость давалась легко. Но он впервые встал перед ситуацией, где привычная власть не помогала. Приказать — значит снова стать тем, кого дети боятся. Отступить — значит признать, что он не контролирует даже собственный дом.

— Мирана, Тавр, Эль, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы можете пойти с нами. Но если станет тяжело, вы сразу говорите. Не терпите молча. Здесь не суд. Здесь никто не оценивает вашу силу.

Тавр скривился.

— А если он будет?

Я посмотрела на Райнарда.

Он понял.

Это было хорошо видно. Понял и не обрадовался, потому что вопрос мальчика оказался не дерзостью, а проверкой.

— Не буду, — сказал он.

Тавр фыркнул.

— Альфы всегда оценивают.

Райнард помолчал.

— Тогда сегодня я попробую быть не только альфой.

Мирана подняла на него глаза. Осторожно. Недоверчиво. Не смягчаясь, но всё-таки услышав.

Эль прошептал:

— А кем?

Райнард посмотрел на него, и в его лице мелькнуло что-то такое, от чего у меня неприятно защипало в груди. Он хотел ответить. Не знал как. Может быть, впервые в жизни перед ребёнком у него не оказалось правильного слова.

— Тем, кто слушает, — сказала я за него.

Райнард бросил на меня взгляд.

— Если сумеет, — добавила я.

Тавр хмыкнул.

На этот раз почти с одобрением.

Мы вошли в архив вместе.

Дом пропустил меня легко. При моём шаге вдоль стен загорелись тонкие серебряные линии, открывая длинное помещение с низкими сводами. Полки уходили в глубину, теряясь в полумраке. На них стояли тяжёлые книги в тёмных переплётах, свитки в резных ячейках, деревянные коробки с родовыми знаками и плоские каменные таблички, исписанные тонкими чертами.

Я ожидала увидеть хаос заброшенного места.

Но архив был чист.

Не по-человечески чист — без следов недавней уборки, без запаха ткани или чьих-то рук. Он просто ждал. Слишком долго и слишком терпеливо.

В центре зала стоял круглый стол, а на нём — раскрытая книга.

Этого я боялась больше всего.

Книга не была покрыта пылью.

Она ждала открытой.

— Лунор сам открыл её, — прошептал Эль.

Райнард медленно подошёл к столу.

Я хотела остановить его снова, но Мирана вдруг сказала:

— Пусть смотрит.

Голос у неё был тонкий. Не слабый — натянутый.

Райнард опустил взгляд на страницу.

Я встала рядом.

Письмена были чужие, угловатые, с острыми хвостами и лунными петлями. Я не знала этот язык, но стоило посмотреть внимательнее, как буквы дрогнули и сложились в понятные слова.

“Северное крыло. Три звезды под печатью молчания. Хранить до решения крови.”

Крови.

Не Совета.

Не альфы.

Крови.

Ниже шли три строки.

Первая была почти стёрта, будто кто-то пытался выскоблить имя, но дом не позволил стереть его до конца.

“Мирана, дочь Элиары Морр, рождённая под второй зимней луной. Статус: скрыта от главной ветви.”

Райнард вцепился пальцами в край стола.

Дерево тихо хрустнуло.

— Элиара, — сказал он почти беззвучно.

Мирана стояла у порога, не двигаясь.

— Это была моя мать?

Он поднял голову.

Между ними повисло такое молчание, что я боялась даже дышать.

— Мою сестру звали Элиара, — сказал Райнард. — Мне сказали, что её ребёнок не выжил.

Мирана смотрела на него слишком взрослыми глазами.

— Мне сказали, что мой род меня не примет.

Он открыл рот — и не нашёл слов.

Я не спасла его от этого молчания. Некоторые удары должны доходить до адресата без смягчения.

Вторая строка засветилась сама.

“Тавр, сын северной ветви Морр, принесённый к очагу без права имени. Статус: удержан до проверки силы.”

Тавр шагнул назад.

— Не читайте.

Я тут же закрыла страницу ладонью.

Райнард резко посмотрел на меня.

— Лира…

— Он сказал “не читайте”.

— Мне нужно знать.

— А ему нужно, чтобы хоть кто-то наконец остановился, когда он просит.

Тавр смотрел на мою руку так, будто не верил, что одна

ладонь может закрыть от альфы родовую книгу.

— Но это касается его происхождения, — сказал Райнард, сдерживаясь из последних сил.

— И он имеет право услышать это не так: стоя в холодном архиве, при мужчине, которого боится.

Райнард отступил.

Тяжело.

Но отступил.

Тавр отвернулся, будто ему срочно понадобилось рассмотреть полку. Только плечи у него дрогнули один раз.

Эль шепнул:

— А про меня?

Мирана сжала его руку.

— Не надо.

— Я хочу знать, — сказал он.

Так тихо, что даже дом, кажется, притих.

Я убрала ладонь со страницы.

Третья строка проступила не сразу. Сначала появился знак: маленькая звезда внутри полумесяца. Такой же, как на его запястье.

“Эльран, последняя искра лунной крови. Статус: не выводить из северного крыла до закрытия круга.”

Эльран.

Малыш вздрогнул, будто услышал чужое имя и одновременно своё настоящее.

— Меня так зовут?

Мирана опустилась перед ним на колени.

— Эль…

— Почему ты не говорила?

— Потому что когда называли полное имя, тебе становилось страшно.

Он посмотрел на своё запястье.

Серебряный знак начал светиться ярче, но не красиво. Жёстко. Линии будто стягивались вокруг тонкой руки, собираясь в плотный круг. Эль побледнел.

— Не надо, — прошептал он. — Не надо имя.

Я бросилась к нему, но Тавр оказался быстрее. Он обнял младшего с такой яростью, словно собирался драться со всем миром сразу.

— Не смотрите! — крикнул он на Райнарда. — Не смотрите на него!

Райнард стоял как каменный.

И только его глаза выдавали: он видит. Видит серебряный круг. Видит, как ребёнок пугается собственного имени. Видит то, чего не видел годы.

— Это не родовая метка, — сказал он.

Голос стал низким и опасным.

— А что? — спросила я.

Он подошёл ближе, но остановился, когда Эль сильнее вжался в Тавра.

— Ошейник.

Мирана резко втянула воздух.

Слово ударило по архиву, и где-то на полках зашептались страницы.

Серебряный ошейник.

Не украшение. Не знак принадлежности. Не просто печать.

То, что надевают не для защиты.

— У детей? — спросила я тихо.

Райнард смотрел на Эля, но отвечал мне:

— В старых законах такие круги ставили на тех, чью силу боялись или хотели подчинить дому. Они не должны были применяться к детям. Никогда.

— Но применились.

— Я этого не знал.

— Я уже слышала.

Он резко повернулся ко мне.

— Думаешь, мне легко это произносить?

— А им легко было с этим жить?

Райнард замолчал.

Правильно.

Пусть молчит.

Не потому что я хотела его унизить. А потому что дети слишком долго жили рядом с чужими объяснениями. “Так надо”. “Так решил дом”. “Так безопаснее”. “Так велел альфа”. Слова, которые взрослые произносили, чтобы не смотреть в детские глаза.

— Что делают эти ошейники? — спросила я.

Мирана ответила раньше Райнарда:

— Не дают уходить.

Тавр добавил:

— Не дают обращаться.

Эль прошептал:

— Не дают говорить.

Я посмотрела на него.

— Что именно говорить?

Он затряс головой.

Серебряные линии на его запястье вспыхнули резче.

Мирана прижала его руку к себе.

— Не спрашивайте так.

— Прости.

Я сказала это сразу. Без гордости. Без оправдания.

Эль посмотрел на меня из-под спутанных светлых волос.

— Вы не знали.

— Это не отменяет того, что я испугала тебя.

Мирана снова посмотрела на меня странно. Как тогда, в комнате, когда я сказала, что еду не надо заслуживать. Будто простые вещи были для неё чем-то невозможным.

Райнард тоже смотрел.

Мне это не понравилось.

Не потому, что его взгляд был холодным. Холод как раз начал трескаться. Хуже было другое: в нём появлялось понимание. А понимание от такого мужчины опасно. Оно может притвориться близостью, к которой Лира внутри меня

слишком долго тянулась.

Я отвернулась к книге.

— Как их освободить?

— Лира, — сказал Райнард, — такие печати нельзя трогать вслепую.

— Я не спрашивала, как их трогать. Я спросила, как их освободить.

— Этим должен заняться Совет.

Тишина стала острой.

Я медленно повернулась к нему.

— Повтори.

Он понял ошибку ещё до того, как договорил, но гордость, упрямая проклятая гордость, всё равно заставила его продолжить:

— Это древние родовые круги. Нужно поднять записи, собрать старейшин, определить, кто имел право…

— Кто имел право поставить детям ошейники?

— Кто нарушил право, — резко сказал он. — И как снять последствия без вреда для них.

— Без чего?

Он осёкся.

Я шагнула ближе.

— Не надо красивых слов, Райнард. Не сейчас. Ты только что увидел троих детей, которых прятали в твоём доме. С печатями, которые не дают им уходить, говорить и становиться собой. И твоё первое решение — передать их Совету?

Мирана побледнела.

Тавр зашипел:

— Я говорил.

Эль спрятал лицо.

Райнард услышал их.

Но всё равно сказал:

— Я не отдам их тем, кто виновен.

— Ты ещё не знаешь, кто виновен.

— Узнаю.

— А пока? Посадишь их перед Градором? Перед теми, кто вчера смеялся на моём разводе? Перед теми, кто называл северное крыло пустым?

— Они дети рода Морр.

— Они дети.

— Их безопасность — моя ответственность!

— Твою ответственность они сейчас боятся больше, чем темноты.

Он дёрнулся, будто я ударила его ладонью.

Мне не было жаль.

Нет, было.

И это злило ещё сильнее.

Потому что я видела не чудовище. Видела мужчину, которого обманули, но который слишком долго позволял себя обманывать, потому что так было удобнее. Это не снимало вины. Это делало её горше.

— Я альфа, — сказал он глухо. — Я не могу оставить это

без решения.

— А я хозяйка этого дома. И я не позволю решать за них без них.

— Ты здесь одну ночь.

— А ты был здесь всю жизнь и всё равно не знал, что творится за стеной.

Он отступил на шаг.

Архив будто вздохнул.

Мирана смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Тавр перестал рычать. Эль вытер нос рукавом и тихо спросил:

— Вы поссоритесь?

Я медленно выдохнула.

Дети не должны были снова становиться центром взрослого грохота.

— Нет, — сказала я.

Райнард посмотрел на меня.

Я повторила твёрже:

— Нет. Мы не будем ссориться над вашими головами. Мы будем спорить, потому что он привык командовать, а я сегодня разучилась быть удобной. Это другое.

Тавр подозрительно спросил:

— А если он прикажет?

— Тогда я откажусь.

Райнард хмуро произнёс:

— Ты говоришь так, будто я собираюсь силой забрать их

из дома.

Я посмотрела ему в глаза.

— А ты не собираешься?

Ответ должен был прозвучать сразу.

Он не прозвучал.

Вот и всё.

Я кивнула, чувствуя, как внутри снова становится холодно.

— Спасибо за честность без слов.

— Лира…

— Нет. Теперь слушай ты. Эти дети останутся в Лекарне Луны. Здесь их прятали, да. Но здесь же дом открыл им убежище. Здесь он открылся мне. Здесь есть очаг, который отозвался на их имена. И пока я не пойму, кому можно доверять, ни один Совет, ни один старейшина, ни одна будущая Луна и ни один бывший муж не выведут их отсюда.

Райнард шагнул ко мне.

— Бывший муж?

— Да. Напомнить, кто вчера лично подтвердил это при полной луне?

Его взгляд потемнел.

— Ты используешь развод как щит.

— Ты использовал его как нож. У каждого свои привычки.

Мирана вдруг издала странный звук.

Не смех.

Но почти.

Тавр посмотрел на неё с изумлением, а Эль — с надеждой. Похоже, Мирана редко позволяла себе даже такую маленькую трещинку в броне.

Райнард увидел это тоже.

И, кажется, именно это заставило его замолчать. Не мои слова. Не его вина. А то, что дети на секунду перестали ждать от него удара, потому что смотрели на меня.

Он отвернулся к книге.

— Очаг, — сказал он после паузы. — Ты сказала, он отозвался на их имена.

— Да.

— Где?

— В комнате рядом с тайным ходом.

— Покажи.

— Зачем?

— Потому что если это старые ошейники, снять их можно только там, где они были признаны домом. Не силой. Не приказом. Через имя, выбор и связь с тем, кто получил правохранить крыло.

— Ты уверен?

— Нет, — сказал он. — Но это первое, что за это утро похоже на надежду.

Ответ был слишком честным, чтобы сразу его отбросить.

Я посмотрела на детей.

— Вы хотите вернуться к очагу?

Мирана спросила:

— Все вместе?

— Все вместе.

— И он?

Райнард не шевельнулся, но я видела, как вопрос ударил в него.

Я не ответила за него.

— Это решаете вы.

Тавр сразу сказал:

— Нет.

Райнард опустил взгляд.

Мирана молчала дольше.

Потом произнесла:

— Пусть идёт. Но не близко.

Тавр резко повернулся:

— Мира!

— Надо знать. Если он правда не знал, пусть увидит.

Эль дрожащим голосом спросил:

— А если знал?

Мирана посмотрела на Райнарда.

— Тогда дом его не выпустит.

Очень спокойно сказано.

У меня по спине пробежал холодок.

Райнард услышал и принял это без возражения.

— Справедливо, — сказал он.

Мы вышли из архива.

Дверь с волчьей мордой закрылась сама, но книга оста-

лась открытой на столе. Мне не нужно было видеть её, чтобы чувствовать: там ещё много строк. Возможно, слишком много. Про тех, кто исчез. Про тех, кого сделали удобными. Про тех, кто подписывал чужое молчание.

По пути в комнату с очагом дом менялся у нас на глазах. Там, где утром висела серая пыль, теперь проступали узоры. Не яркие, не торжественные — осторожные. Как улыбка ребёнка, который ещё не уверен, что можно радоваться. На одной двери проявились три маленькие лапы. На другой — ветка с лунными листьями. В конце коридора открылось окно, хотя я была уверена, что раньше там была глухая стена.

Эль заметил первым.

— Он просыпается.

— Боится, но просыпается, — сказала Мирана.

Райнард шёл позади и молчал.

Это молчание было другим, чем вчера на суде. Тогда оно было оружием. Теперь — тяжестью. Он нёс его сам и, кажется, впервые понимал, сколько всего пряталось в привычной тишине.

В комнате очаг сиял ровно. Серебристый свет лежал на столе, одеялах, детских чашках, корзине с яблоками. Всё было таким простым, почти домашним, что после архива с его страшными строками хотелось закрыть дверь, сесть на пол и просто не пускать в этот круг никого взрослого.

Но нельзя.

Если серебряные ошейники правда не давали детям ухо-

дить, говорить и обращаться, их нельзя было оставлять как есть. Запрет не становился мягче от того, что к нему привыкли.

— Кто первый? — спросил Райнард.

Тавр тут же шагнул вперёд.

— Я.

Мирана схватила его за руку.

— Нет.

— Я сказал, я.

— Ты всегда лезешь первым!

— Потому что ты всегда думаешь, что должна быть последней!

— Тихо, — сказала я.

Они оба замолчали.

Не потому, что я приказала. Потому что услышали тон.

Я присела перед ними.

— Никто не будет первым из храбрости. Мы не знаем, как очаг отзовётся. Мы не знаем, что почувствуете вы. Значит, сначала мы узнаем правила.

— Какие правила? — спросил Тавр.

— Те, которые не придумали взрослые.

Я подошла к очагу и положила ладонь на белый камень.

— Лунор, — сказала я, — если ты выбрал меня хозяйкой, покажи, что нужно сделать. Без вреда. Без принуждения. Без тайных цен, о которых все узнают слишком поздно.

Райнард тихо произнёс:

— Дома не заключают честных сделок с людьми.

— Тогда пусть учится вместе с нами.

Свет внутри очага дрогнул.

По полу проступил круг. В центре — полумесяц. Вокруг — три места, отмеченные маленькими звёздами. Четвёртая линия потянулась к моим ногам. Пятая — к Райнарду.

Он нахмурился.

— Почему я?

— Потому что кровь Морр, — сказала Мирана. — И потому что часть ошейника держится не за дом. За род.

— Кто тебе это сказал? — спросил он.

Она замкнулась.

Слишком быстро.

Я подняла руку.

— Не дави.

Райнард кивнул, но было видно, каких усилий ему это стоило.

Свет в очаге стал ярче. На стене над ним проступили слова. Я не знала письменности, но, как и в архиве, смысл вошёл в голову сам:

“Имя произнесённое. Имя принятое. Имя защищённое.”

— Вот, — прошептал Эль.

— Что это значит? — спросила я.

Мирана ответила:

— Нас звали неправильно.

Тавр буркнул:

— Иногда вообще не звали.

Эль добавил:

— Если имя не говорить, ошейник тише.

Райнард закрыл глаза.

На этот раз я не стала колоть его словами. В комнате было достаточно боли и без меня.

— Значит, нужно назвать настоящее имя? — спросила я.

Мирана кивнула.

— Но если имя примет не тот, круг станет сильнее.

— Кто должен принять?

Девочка посмотрела на меня.

— Хозяйка.

Потом на Райнарда.

— И кровь.

Райнард медленно открыл глаза.

— То есть я.

— Да, — сказала Мирана. — Но вы не должны приказывать имени.

— Я не понимаю.

— Имя нельзя забрать, — сказала она. — Его можно только услышать.

Эти слова ударили по мне сильнее, чем я ожидала.

Имя нельзя забрать.

Сколько у Лиры забрали вчера? Право, место, знак, дом, роль. Но имя осталось. И сегодня именно с именем она вошла в дом, который все считали мёртвым.

Я повернулась к детям.

— Никто не обязан делать это сейчас. Мы можем остановиться.

Тавр сразу сказал:

— Нет. Если остановимся, она придёт.

В комнате стало холоднее.

Райнард поднял голову.

— Кто?

Тавр сжал губы.

Мирана посмотрела на него так, будто умоляла молчать.

Эль тихо сказал:

— Белая.

Я вспомнила платье цвета зимнего рассвета. Холодный голос. Красивые руки, которые не дрожали.

Велена.

Райнард тоже понял. Но пока не произнёс.

— Она приходила сюда? — спросил он.

Серебряные круги на запястьях детей вспыхнули.

Все трое одновременно вздрогнули.

— Не отвечайте, — быстро сказала я.

Свет немного смягчился.

Райнард шагнул назад, словно сам понял, что вопрос стал ударом.

— Прости.

Слово прозвучало неловко.

Резко.

Почти грубо.

Но это было “прости”.

Эль посмотрел на него удивлённо.

Тавр — подозрительно.

Мирана — так, будто не знала, куда деть услышанное.

— Начнём не с вопросов, — сказала я. — Начнём с имени. Кто готов?

Тишина.

Потом Тавр вышел в круг.

Конечно.

Упрямый, колючий, злой мальчишка, который боялся так сильно, что всегда бежал первым, лишь бы никто не успел увидеть его страх.

— Я, — сказал он. — Только не трогайте меня.

— Никто не будет, — ответила я.

Райнард встал у пятой линии, не пересекая круг. Я — у своей. Мирана держала Эля за плечи.

Тавр поднял запястье.

Серебряные линии вспыхнули. Он сжал зубы, но не отступил.

— Моё имя Тавр.

Очаг дрогнул.

На стене появилось ещё одно слово: “Принято?”

Я поняла, что спрашивают меня.

Не дом.

Не его.

Меня.

— Я слышу твоё имя, Тавр, — сказала я, и голос почему-то стал ниже. Спокойнее. — В этом доме оно не будет поводом для страха.

Свет перешёл к Райнарду.

Он смотрел на мальчика.

Долго.

Тавр поднял подбородок, будто ждал удара.

— Я слышу твоё имя, Тавр, — сказал Райнард. — Род Морр не имеет права делать тебя безымянным.

Мальчик вздрогнул.

Серебряный круг на его запястье треснул одной тонкой линией. Не исчез. Не освободил. Но ослаб. Тавр шумно вдохнул и отшатнулся.

Мирана бросилась к нему, но остановилась, вспомнив его "не трогайте".

— Ты как? — спросила она.

— Нормально, — буркнул он.

— Врёшь.

— А ты не командуй.

— Я не командую!

— Очень даже командуешь!

Эль вдруг засмеялся.

На этот раз громче.

И дом ответил — в очаге вспыхнула маленькая звезда.

Я отвернулась на секунду, чтобы дети не увидели, как у

меня дрогнули губы.

Потом вышла Мирана.

Не потому, что была готова. Потому что после Тавра не могла позволить себе не выйти.

— Можно не надо? — прошептал Эль.

Она коснулась его волос.

— Надо.

— Почему?

— Потому что если я буду бояться, вы оба будете бояться сильнее.

— Я уже боюсь, — честно сказал он.

Мирана закрыла глаза.

— Я тоже.

Тавр хотел что-то сказать, но не стал.

Мирана встала в круг. Серебряная метка на её руке загорелась не резко, а глубоко, как луна подо льдом.

Райнард смотрел на неё так, будто видел сразу две жизни: сестру, которую потерял, и девочку, которую ему спрятали.

— Моё имя Мирана, дочь Элиары, — сказала она.

Голос не дрогнул.

Зато дрогнул Райнард.

Я видела, как его рука сжалась в кулак. Как он едва удержал шаг вперёд. Как на лице проступило то, что не имело ничего общего с властью.

Горе.

— Я слышу твоё имя, Мирана, — сказала я. — В этом

доме ты не чья-то тайна. Ты та, кто имеет право стоять в свете.

Очаг вспыхнул мягко.

Райнард молчал.

Слишком долго.

Мирана смотрела на него. С каждой секундой её лицо становилось всё закрытее.

— Райнард, — сказала я тихо.

Он словно очнулся.

— Я слышу твоё имя, Мирана, дочь Элиары, — произнёс он хрипло. — И если в моём роду его пытались стереть, я верну его первым перед всеми.

Серебряный круг на её запястье вспыхнул так ярко, что она вскрикнула и покачнулась.

Я шагнула, но Райнард оказался быстрее — и тут же остановился, не смея коснуться.

Вот это я запомнила.

Он мог поймать её.

Но не стал хватать без разрешения.

— Можно? — спросил он.

Мирана смотрела на него с болью и яростью.

Потом едва заметно кивнула.

Он подхватил её осторожно. Так осторожно, будто держал не ребёнка, а ответ на вопрос, который боялся задать всю жизнь.

Мирана не прижалась к нему.

Но и не оттолкнула сразу.

— Поставьте, — сказала она через мгновение.

Он поставил.

Сразу.

Тавр смотрел на это с подозрительным изумлением.

Я тоже.

Райнард заметил мой взгляд.

— Что? — спросил он глухо.

— Учишься.

Он хотел вспыхнуть, но вместо этого выдохнул.

— Пытаюсь.

Это слово прозвучало тише всех его приказов и тяжелее всех клятв.

Последним должен был выйти Эль.

Но он не вышел.

Он стоял у стены, обхватив себя руками, и смотрел на круг так, будто тот мог проглотить его целиком.

— Не могу, — прошептал он.

— Не надо, — сразу сказала я.

Райнард резко посмотрел на меня.

— Но если его круг сильнее…

— Я сказала: не надо.

Эль поднял глаза.

— Вы не рассердитесь?

— Нет.

— Но Тавр смог. И Мира смогла.

— А ты сможешь тогда, когда сможешь ты.

Он сглотнул.

— А если не успею?

Вопрос был слишком взрослый.

И слишком страшный.

Райнард сделал шаг к нему, но остановился сам.

— Эль, — сказал он, и голос у него впервые стал почти мягким. Не нежным — он, кажется, пока не умел. Но мягче. — Никто больше не будет требовать от тебя успеть.

Эль смотрел на него.

— А если Белая придёт?

Райнард медленно опустился на одно колено.

Не рядом. На расстоянии. Так, чтобы ребёнку не пришлось задирать голову.

В комнате стало тихо.

Альфа Серебряного Кряжа, мужчина, который вчера расторг брак при всей стае, стоял на колене перед маленьким мальчиком с серебряной звездой на запястье.

— Тогда сначала она встретит меня, — сказал он.

Эль спрятался за Мираной, но не до конца.

— Вы её знаете.

— Да.

— Она улыбается, когда страшно.

Райнард побледнел.

— Что она сделала?

Серебро на запястьях детей вспыхнуло сразу.

Эль вскрикнул.

Тавр зашипел.

Мирана стиснула зубы, но её колени подогнулись.

— Замолчи! — крикнула я Райнарду.

Он замер, потрясённый.

— Вопросы заставляют круги сжиматься, — сказала я быстро, подхватывая Миранино плечо. — Особенно вопросы о прошлом. Ты не видишь?

Он посмотрел.

И увидел.

Серебряные линии на детских руках стягивались плотнее каждый раз, когда он спрашивал напрямую. Не просто мешали говорить. Наказывали за попытку назвать правду.

— Поэтому они молчали, — произнёс он.

— Да.

— Поэтому боялись имени.

— Да.

— Поэтому…

Он не договорил.

Но я поняла, что он хотел сказать.

Поэтому Элиара умерла вместе с ребёнком только на бумаге. Поэтому северное крыло считалось пустым. Поэтому Велена боялась трёх звёзд. Поэтому Градор так спешил закрыть дом.

Не потому что дети были опасны.

А потому что правда, сказанная их голосами, могла раз-

рушить чью-то власть.

Райнард встал.

— Я должен созвать Совет.

— Нет.

— Лира…

— Нет.

— Это преступление против крови Морр.

— И ты хочешь нести доказательства тем, кто мог участвовать?

— Не всем можно не доверять.

— Зато пока я точно знаю, кому можно доверять меньше всего.

Он прошёлся по комнате, сдерживая зверя под кожей. Я видела, как в нём борются альфа и мужчина, который только что оказался по другую сторону собственного имени.

— Если я не объявлю о них, Велена может ударить первой.

— Она уже ударила первой. Ночью. Потом утром. Теперь попытается ещё.

— Именно поэтому детей нужно перевести в защищённое место.

Я рассмеялась.

Нехорошо.

Горько.

— В какое? В главный дом? В тот самый, где годами не замечали тайной комнаты? Или в зал Совета, где Градор вчера чуть не задохнулся от злости, когда мне отдали северное

крыло?

— У меня есть люди.

— У тебя были стражи. И ночью они пришли по чужому приказу.

Райнард остановился.

— Не все предатели.

— Не все. Но я не умею отличать их по красивым плащам.

Тавр вдруг сказал:

— Кердан не плохой.

Мы оба повернулись к нему.

Он смутился, но упрямо продолжил:

— Он иногда оставлял дверь незапертой. Ненадолго. И один раз сделал вид, что не видел меня в коридоре.

— Почему ты раньше молчал? — спросил Райнард.

Серебряный круг дрогнул.

Я резко подняла руку.

— Не так.

Он выдохнул сквозь зубы.

— Тавр. Я задал плохо. Ты можешь не отвечать.

Мальчик смотрел настороженно, но серебро уже не вспыхивало.

— Потому что если кто-то помогает, а потом про него узнают, он исчезает, — сказал Тавр.

Райнард медленно кивнул.

— Понял.

И, кажется, действительно понял.

Не до конца. Но достаточно, чтобы перестать давить.

— Хорошо, — произнёс он. — Дети остаются здесь. Пока.

— Не “пока”, будто ты великодушно разрешил.

Он посмотрел на меня с усталой злостью.

— Лира, не испытывай моё терпение.

— А ты не испытывай моё новое право говорить “нет”.

Мирана вдруг тихо сказала:

— Она правда не боится.

— Боится, — ответила я, не оборачиваясь. — Просто делает всё равно.

Тавр буркнул:

— Это лучше.

Эль кивнул.

Вот так, значит. Моя репутация строилась на упрямстве, дерзости и сомнительном умении разговаривать с дверями. Для начала сойдёт.

Райнард провёл рукой по лицу.

Он выглядел уставшим.

Впервые с момента нашего знакомства я увидела не альфу, не бывшего мужа, не мужчину под руку с Веленой, а человека, у которого за одно утро рухнула половина мира. Но жалость — опасная тропинка. Один неверный шаг, и Лира внутри меня начнёт оправдывать его снова.

Я не позволила.

— Нам нужны правила, — сказала я.

— Нам?

— Да. Тебе, мне, детям и дому. Первое: никто не входит в северное крыло без моего разрешения. Даже ты.

Он хотел возразить.

Я подняла палец.

— Второе: никаких вопросов детям о прошлом без их согласия. Если серебро вспыхивает, вопрос прекращается сразу. Третье: имена детей не выходят за эти стены, пока мы не поймём, кто враг. Четвёртое: ты проверяешь своих стражей, но не устраиваешь показательные расправы, из-за которых виновные успеют спрятаться. Пятое: Кердана не трогать, пока не выясним, что он сделал и почему.

Райнард смотрел на меня с таким выражением, будто я только что провела заседание Совета у него под носом.

— Ты быстро освоилась.

— Меня вчера выгнали из главного дома. Пришлось искать новое занятие.

Тавр снова хмыкнул.

Райнард бросил на него взгляд, но не злой. Скорее… потерянный.

— А мои условия? — спросил он.

— Слушаю.

— Я оставляю у внешней галереи двух воинов. Не внутри крыла. Снаружи. Тех, кого назову сам. Они не входят без твоего разрешения, но не дают войти другим.

— Имена?

— Варен и Сольд. Они служили ещё моему отцу, но не

Совету.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Это должно дать тебе время захлопнуть дверь, если я ошибаюсь.

Честный ответ.

Я кивнула.

— Дальше.

— Я забираю из главного архива все записи о северном крыле до того, как их успеют переписать или уничтожить.

— Один?

— С Керданом.

Тавр напрягся.

— Он не предаст.

Райнард посмотрел на мальчика.

— Я учту.

Не “верю”. Не “обещаю”. Но уже не “молчи, ребёнок”.

— И третье, — сказал Райнард.

Я ждала.

Он смотрел прямо на меня.

— Если детям станет хуже от печатей, ты позовёшь меня.

Слово “хуже” повисло в воздухе, но не нарушило запретных тем. Он говорил не о теле даже — о круге, о страхе, о силе, которая сжимала их имена.

— Если им понадобится защита крови Морр, — сказала я осторожно, — я позову.

— Лира.

— Райнард.

Он понял, что большего сейчас не получит.

— Хорошо.

Мы заключили не мир.

Перемирие.

Хрупкое, как лунный свет на потрескавшемся стекле.

Но дети это почувствовали. Мирана медленно опустилась на лавку. Тавр сел рядом, будто случайно закрыв её и Эля от Райнарда. Эль положил голову ей на плечо и впервые за всё утро перестал следить за дверью.

Дом тоже будто выдохнул.

Очаг стал теплее. На столе обнаружилась ещё одна корзина — я поклялась бы, что минуту назад её там не было. Внутри лежали сухие лепёшки, орехи и маленькие тёмные ягоды. Я посмотрела на дом с подозрением.

— Ты нас слушаешь слишком внимательно.

Эль сонно прошептал:

— Он рад.

— Пусть радуется менее загадочно.

Райнард смотрел на корзину так, будто дом лично оскорбил его знание законов.

— Это невозможно, — сказал он.

— Сегодня это слово уже устало.

Мирана вдруг взяла одну лепёшку и протянула Элю. Потом Тавру. Потом, поколебавшись, мне.

Райнард остался без угощения.

Я заметила. Он тоже.

И ничего не сказал.

Тоже учится.

За дверями северного крыла послышались шаги. На этот раз не наглые, не торопливые. Кто-то остановился у главного входа и не стал стучать.

Райнард напрягся.

Я подошла к окну, выходившему на галерею. Снизу был виден Кердан. Он стоял один, без оружия в руках, с опущенной головой.

— Кердан, — сказала я.

Тавр вскочил.

— Не говорите, что мы…

— Не скажу.

Райнард подошёл к двери, но я опередила:

— Помнишь первое правило?

Он остановился.

— Помню.

— Тогда я открываю.

Я спустилась в холл. Райнард шёл следом, не обгоняя. Это было странно. Почти смешно. Если бы мне вчера сказали, что утром альфа Серебряного Кряжа будет послушно останавливаться перед дверями моего дома, я решила бы, что мир точно сошёл с ума.

Хотя он, видимо, так и сделал.

Дверь открылась на ладонь.

Кердан поднял глаза.

Он выглядел измученным.

— Леди Лира.

— Я не леди Морр.

— Я знаю.

— Тогда просто Лира.

Он сглотнул и посмотрел на Райнарда за моей спиной.

— Альфа.

— Говори, — сказал Райнард.

Кердан снова перевёл взгляд на меня. И это было важно. Он пришёл не только к альфе.

— Леди Велена собирает людей у старой прачечной. Не стражей. Своих. Она говорит, что северное крыло нужно очистить от того, что проснулось ночью.

Райнард стал совершенно неподвижен.

— Кто с ней?

— Старейшина Градор. Двое из младшей ветви. И человек в сером плаще. Я не знаю его имени.

Я вспомнила финальный взгляд Велены. Перстень. Приказ до полнолуния.

— Почему ты пришёл сюда? — спросила я.

Кердан опустил голову.

— Потому что однажды я уже промолчал.

Тавр был прав.

Я почувствовала это раньше, чем услышала тихий шорох наверху. Дети тоже спустились, но остановились в тени лест-

ницы.

Кердан увидел их.

Сначала Мирана. Потом Тавр. Потом Эль.

И вдруг этот взрослый воин побледнел так, что я поняла: он не просто догадывался. Он знал достаточно, чтобы мучиться.

— Простите, — прошептал он.

Тавр вцепился в перила.

— Я сказал, он не плохой.

— Тавр, — тихо сказала Мирана.

— Нет. Он не плохой. Он просто трус.

Кердан принял это слово без защиты.

— Да.

Райнард повернулся к нему.

— Что ты знаешь?

Серебро на детских запястьях вспыхнуло.

Я резко сказала:

— Не здесь.

— Лира…

— Не здесь. Ты опять спрашиваешь так, будто перед тобой подчинённый, а не человек, который может быть связан тем же страхом.

Кердан поднял глаза.

— Меня никто не связывал печатью.

— Зато связали приказом?

Он молчал.

Ответ был ясен.

Райнард сжал кулаки, но голос удержал.

— Кердан. Ты можешь говорить свободно?

Воин помолчал.

— Не обо всём.

— Кто запрещает?

Кердан посмотрел на детей.

И в этот миг Мирана шагнула вперёд.

Маленькая. Бледная. С серебряным кругом на запястье, который ещё не исчез, но уже треснул тонкой линией после очага.

— Я скажу, — произнесла она.

Тавр резко повернулся к ней.

— Не надо.

— Надо.

Эль заплакал беззвучно и спрятался за меня.

За меня.

Я почувствовала, как его маленькие пальцы вцепились в моё платье, и внутри что-то встало на место. Не окончательно. Не спокойно. Но крепко.

Мирана спустилась на последнюю ступень.

Райнард смотрел на неё, не двигаясь.

Она подняла запястье. Серебряный круг вспыхнул, предупреждая, заставляя молчать, но она не опустила руку.

— Нас запирала женщина, — сказала Мирана.

Свет на её руке стал резче.

Я шагнула к ней.

— Мирана, остановись.

— Нет. Вы должны знать.

Райнард побледнел.

— Кто?

Мирана посмотрела ему прямо в глаза.

Впервые без страха.

Нет, страх был. Но она стояла поверх него.

— Велена, — сказала она. — Это Велена запирала нас раньше.

Серебряный круг на её запястье вспыхнул белым.

А где-то за стенами северного крыла, очень далеко и одновременно слишком близко, протяжно завыл волк.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.